

эзотерритория
психоккультуры

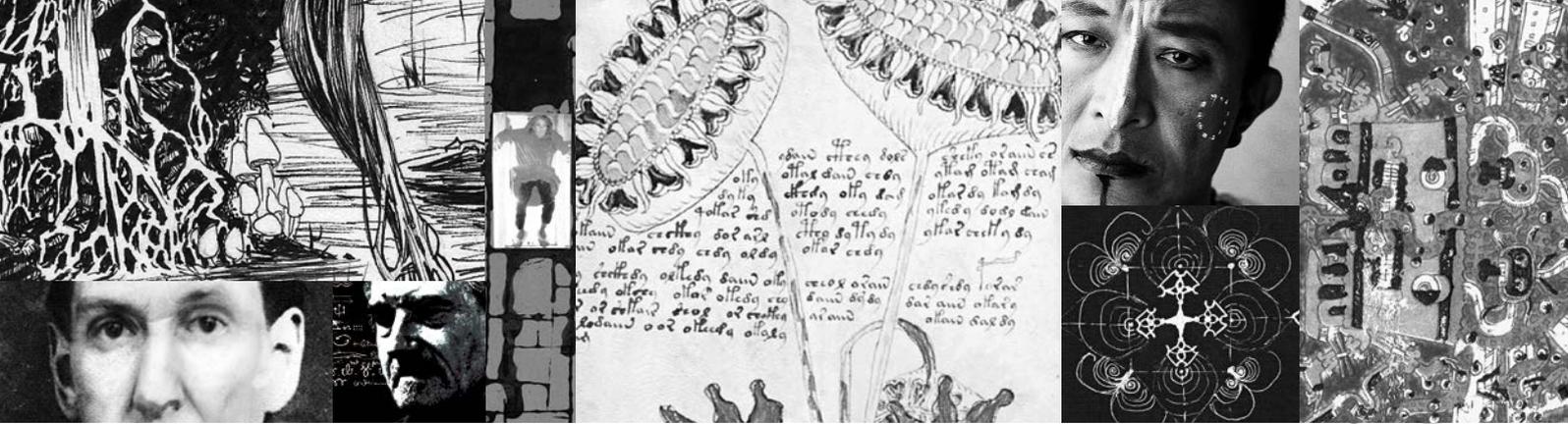
КАТАВ FEST

изображение: «She is looking for something»;
Автор *Limbic Splitter*

РЕДАКЦИЯ: Адам Т, Мефодий С.
ДИЗАЙН/ВЕРСТКА: LimbicSplitter
ХУДОЖНИКИ: LimbicSplitter, Kate Range,
Nekuda, Tillinghast23
<http://katab.asia/>

Шизогенная мать приветствует

Вступление

Мне сказали — сюда надо написать строчек двадцать, а лучше — и вовсе так все 23, рассказать — как всё было, статусом бряцнуть: мол, аз емь редактор! Конфидент — посмотри! Тут ведь тема такая — года четыре назад мы не думали даже о раскладе таком, что у самых врат наших слуги Жругра стоят — и *aviduā* сочится из их униформ. А тогда был лишь импульс, идея-фикс: запустить графоманский такой вот netzine из вещей, текстов, песен причудливый микс — и приправить его шумом родных осин. Всё случилось — есть сайт, есть журнал (и #КРЫМ_НАШ!), есть читатели (ты теперь в числе их), в Вавилоне готовят стремительный rush, каждый выдох архонтов бьёт нам прямо в поддых. Будь готов, конфидент — за тобою придут если удержишь в руках ты сей артефакт — поскорей преврати его в свой redoute. Затаись. Скоро выйдем мы на контакт.

Мефодий С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

OPUS OCTOPUS

Прикладной оккультизм

Инвокация Черного Солнца	4
Контроль и Джанк	7

ПРОСВЕТЛЕНИЕ СКАЧАТЬ БЕСПЛАТНО

Эзотерика и теория

Revolutions per minute	10
Sanitarium	13
Большие буквы: "А"	14
Субстанция сна	16
Вампир друзей	19
Жизнь как кино	20
Шизотерика как семантическая опухоль	21

ТЕЛО КИТОВО

Тема номера

Енохианский Апокалипсис	24
Художник, Оккультист, Медиум	30

ЧЕРНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ТЮРЬМА

Экзистенциальное

Liber Moriendi	36
Наблюдение в Красном	38

РИСОВАНИЕ СВЕТОМ

Художественный раздел

All Saints	40
Где ты красная королева	43
Show me the place where the suffering began	44

СУВАЖЕНИЕМ, ЛЕЧЕБНЫЙ ГОЛУБЬ

Эпилог

Message From Nowhere	46
Доктор Я	47

+ Рассказка!
+ Гностический Кроссворд!

Opus Octopus

ИНВОКАЦИЯ ЧЕРНОГО СОЛНЦА

«Инвокация Черного Солнца или что происходит, когда перформанс и пост-индастриал объединяются с магией» Тима О'Нила, перевод Адама Тау (Впервые опубликовано в 1985 году в культовом американском журнале Gnosis).

В день летнего солнцестояния 21 июня 1985 года в двух удаленных друг от друга городах, Лондоне и Сан-Франциско, два видных деятеля постиндустриальной сцены, Джон Бэланс (Coil) и Кристин Амброзия (Ambrosia Transpersonal Communications) совместно провели трансконтинентальный магический ритуал. Данное действо, гармонично соединившее в себе музыку и образительное искусство было предпринято, как попытка получить доступ к некоей особенной энергии тонкого мира, плененной в мрачных измерениях Подземного Мира (символ Нигредо, почернения и последующего просветления души в алхимии).

Энергию эту надлежало сопроводить в светлые миры, где правят Белое и Красное Солнца (Альbedo и Рубедо, следующие за Нигредо стадии алхимического процесса).

Кристин и Джон намеревались накопить необходимые для освобождения энергии тонкого плана и затем сфокусировать и преломить их через «линзу», которой должен был стать ритуальный перформанс. Как конечная цель ритуала был обозначен акт создания «портала» или туннеля между тонкими планами, посредством которого можно было бы работать напрямую с энергией Черного Солнца, в магическом и художественном ключе.

Упор делался на проведение церемонии и открытие «узла» таким образом, чтобы в дальнейшем любой, кто бы захотел работать с данной энергией, смог бы сделать это легко и безопасно для себя.

Немного истории: группа Coil начала функционировать между 1982 и 1984 годами как отколовшаяся фракция пост-индустриальной формации Psychic TV, в свою очередь, представлявшей собой «апгрейд» индустриального коллектива 70-х Throbbing Gristle.

Работавшие тогда в стиле индастриал группы и отдельные художники были, в первую очередь, заинтересованы возможностью соприкоснуться с наиболее мрачными и неизведанными уголками бредущей к смерти культуры Запада. Основными ис-

Мы всегда стараемся внести волшебство в музыку, и поэтому очень тщательно готовимся, подбирая правильную частоту модулирования синтезаторов, настройку или цвета на экране. Обычно мы берем что-нибудь из книги Кроули о магическом символизме 777, и микшируем это, руководствуясь своей интуицией, исследованиями и экспериментами. С помощью музыки мы пытаемся изгнать накопленное зло из людей на концертах, путем белого света, белой музыки и видеопроекций. Мы пытаемся создать такую область пространства, в котором люди бы не чувствовали себя самими собой во время концерта. Мы пытаемся на время оградить слушателя от постороннего визуального загрязнения его мозга рекламой, шумовыми помехами, видимыми и невидимыми микроволнами.

— Джон Бэланс

следуемыми областями были безумие, насилие, болезни, ментальный контроль и смерть; все наиболее древние табу Запада, препарированные с бесстрашностью патологоанатома.

Как и дадаисты однажды, индустриальные художники столкнулись с проблемой бесчувственности аудитории, требовавшей все больше и больше насилия и мрака, до тех пор, пока стремление артиста к самовыражению не оборачивалось самопародией и банальной пляской на костях культуры.

Большая часть людей, вовлеченных в индустриальную субкультуру, параллельно обладали значительным стажем изучения оккультных наук. Тем не менее, поначалу из первых музыкальных опытов, порождаемых данной средой, можно было уловить лишь откровенную агрессию по отношению к тем, кто «не от мира сего». Эта странная дамба обрушилась лишь в 1981 году, когда Psychic TV выпустили свой дебютный альбом «Forge the Hand of Chance», в котором прямо реферировали к Алистеру Кроули и его системе практической магии (magick). Один из треков пластинки даже сопровождался рекомендацией использовать его в качестве саундтрека при магической работе!

Долгое время почему-то подавлявшийся интерес участников индустриал-движения к оккультизму, теперь мог безопасно совершить каминг-аут. Почти в одночасье все представители пост-индустриальной музыки переориентировались на ритуальный звук. Это можно было, в принципе, рассматривать как логическое продолжение одержимости данной субкультуры смертью — теперь в царство мертвых, т.е. в тонкие планы можно было войти напрямую, путем магических практик.

Представители пост-индустриальных кругов находили в магии (и особенно в кроулианской ее разновидности) одновременно и мощный образ для пробуждения из памяти западной культуры давно забытых и подавлявшихся сил; и способ идти в своих поисках дальше, за пределы рациональных координат. В то время (70-е—80-е) как металлисты начали использовать оккультную образность в своем творчестве, постепенно превратившемся в коммерческую халтуру, пост-индустриал движение старалось переносить эти символы и техники на свою почву разумно и бережно.

По сути, их целью было привить вирус экстатического опыта запредельного в разлагающийся труп Запада и (на момент написания данного материала — А.Т.) успеха это пока еще не принесло, однако серьезные подвиги определенно проявились как раз в Инвокации Черного Солнца, которой посвящен этот опус.

Джон Бэланс, основавший Coil вместе с Питером Кристоферсоном, начал проявлять интерес к оккультизму еще в десятилетнем возрасте. Его музыка и стихи отражают глубокий опыт потусторонних странствий и интуитивное понимание того, как взаимодействуют их обитатели, будь то сущности, силы или стихии.

Первая значительная запись Coil, «How to Destroy Angels», была серьезной попыткой создать музыку-саундтрек к ритуалу, сфокусированную на визуализации различных аспектов Марса и аккумуляции мужской сексуальной энергии (все это также предполагалось связать с мастурбационной магической

JOHN BALANCE

PETER CHRISTOPHERSON

STEPHEN E. THROWER

практикой Остина Османа Спэра «Death Posture»). Получившаяся в итоге запись обладала колоссальным эффектом, благодаря тому, что при ее создании использовались исключительно инструменты из «марсианских» материалов, а ритмический рисунок высчитывался по сложному графику «пробуждения психических центров».

Вскоре последовавший первый полновесный альбом Coil, «Scatology», продолжил тему штудирования Нижнего Мира, и одна песня с него, призывавшая энергию Черного Солнца «Solar Lodge», как раз и привлекла внимание Кристина Амбрози.

Кристина начала свою карьеру художника-перформансиста в 1976 году после того, что она называла «спонтанным случаем пробуждения кундалини» и последовавших затем шаманских и визионерских опытов. На момент магического ритуала с Coil, в 1985 году, она работала с некоей «медиумической сущностью по имени Атлан», которая показала Кристина путь в «мир Красного Солнца» (эмблему которого после этого стали носить все члены ее перформанс-группы). Когда Кристина услышала «Solar Lodge» Coil, она немедленно осознала, что ее магические работы ведутся на тонком плане где-то в непосредственной близости от авторов этой записи.

После непродолжительной переписки и нескольких телефонных разговоров с Бэлансом, детали предстоящего трансконтинентального ритуала внезапно стали ясны обоим. Были тщательно оговорены «детали и область пробуждения Черного Солнца», а также нюансы сообщения магов друг с другом через тайные ходы тонкого плана в процессе выполнения поставленной задачи. Бэланс и Кристина также заранее обсудили, какие энергии и сущности им понадобится привлечь к выполнению столь неординарной миссии.

Главной практической проблемой, по их словам, стало обеспечение безопасности других присутствующих людей в процессе ченнелинга, при их одновременном вовлечении в ритуал.

В течение нескольких недель перед ритуалом оба мага тщательно готовились, ведя ежедневные магические дневники, куда заносились личные мистические переживания и инсайты. Хотя Бэланс никому не показывал собственные записи, некоторые материалы по теме попали в журнал, посвященный феномену Coil (по-видимому, речь идет о «Coil Magazine», 1987 — А.Т.). Некоторые детали также удалось узнать от Кристины, которая общалась с Бэлансом в Лондоне во время своего европейского турне в 1985 году.

Дневник Кристины, в основном, был посвящен ее общению с «медиумической сущностью по имени Атлан», Бэланс фиксировал все свои астральные путешествия и контакты с теми, кого он там встретил. Что касается меня, то я [Тим О'Нил] подробно фиксировал все свои изыскания в области алхимии и магические практики, которыми я занимался для поддержания потока ритуала.

«Nos: Libro de la Resurrección» Мигеля Серрано служила в то время своеобразным справочником, с которым Бэланс и Кристина сверяли результаты своих медиумических изысканий.

Настал день Солнцестояния, и пришло время проверить, чего все наши приготовления стоят на практике. Часть перформанса, за которую отвечала Кристина, «Vajo- No Hito» («Всадник») началась рано вечером в «Лаборатории», арт-галерее в Сан-Франциско. В начале церемонии Эрик Лав, Факир Мусафар и Монте Казацца прокатились вниз головой (что символизировало спуск в подземный мир) на огромной пирамидальной вращавшейся карусели.

Одновременно с этим Кристина начала свой шаманский танец с бубном, интенсивность которого усиливалась по мере того, как

на бэкграунде нарастала музыка. Все участники быстро вошли в измененное состояние сознания и были готовы к групповому магическому путешествию в мир Черного Солнца. Плотность метавшихся в помещении энергий все нарастала и нарастала, танец Кристин и громкость саундтрека также продолжали увеличиваться.

Настал ключевой момент перехода — и туннель в иной мир был открыт, а энергия Черного Солнца хлынула прямо сюда, на присутствующих в экстазе людей. Кристин сфокусировала мощь энергий всех участников и «послала» этот пучок через тайную червоточину за океан, к ожидавшему в Лондоне Бэлансу.

В этот самый момент Джон «отправил» собственную ритуально накопленную энергию в Сан-Франциско, и, по свидетельству многих бывших в Лаборатории, возникло физическое ощущение «незримого соприкосновения». Из сплетения столкнувшихся энергетических лучей родился кусавший свой хвост Уроборос, и энергия потекла в обе стороны. Простор был открыт, и энергия Черного Солнца, под бдительным присмотром Бэлансы и Кристин оказалась открытой для любого, кто бы пожелал ей воспользоваться.

Мощь потока была столь сильна, что Карл Лофлер из Artcom, появившийся в «Лаборатории» ближе к концу ритуала, уверял, что помещение дрожало от различных звуковых вибраций, издаваемых некоей отчетливо ощутимой силой. Впоследствии мощь Черного Солнца была трансформирована в его следующий логический виток развития, Белое Солнце или среднюю стадию алхимической Работы.

Работы по «возгонке» Черного Солнца начались пять дней спустя, 26 июня. Кристин провела в сан-францисском театре церемониальный перформанс под названием «Kage Hoshi» (Shadowstar). Она выступила в роли мастера-шамана, управлявшего водоворотами собранной ранее в ходе ритуала энергии. Кристин, подвешенная вниз головой, пела и управляла ритуалом, не выходя из состояния транса, пока Факир Мусафар танцевал в индийской клетке с шипами, а над ним переливались изображения Солнца (Эрик Лав был в похожей клетке, но в статичном состоянии). Монте Казацца находился во вращающемся устройстве, известном как «Ведьмина колыбель», где довольно быстро достиг необходимого состояния сознания. Что касается меня, то я был вовлечен в странный тихоокеанский туземный брачный ритуал откорма с Синтией Виткин.

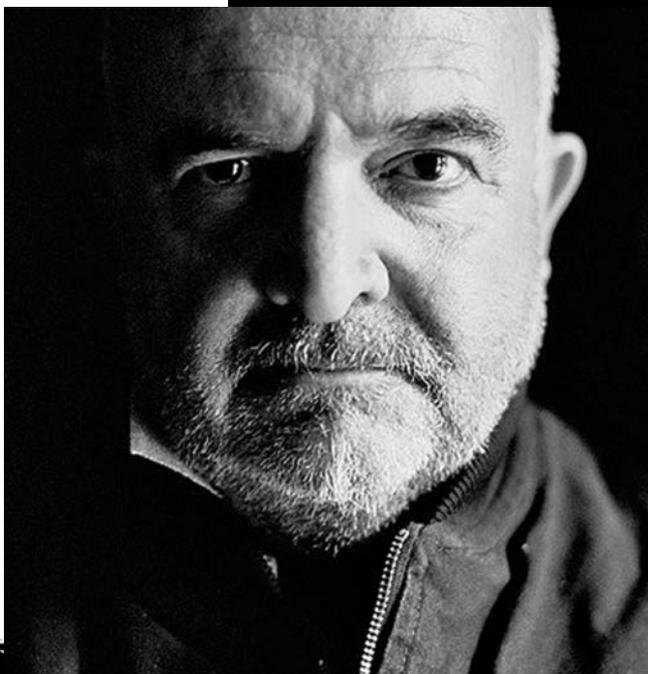
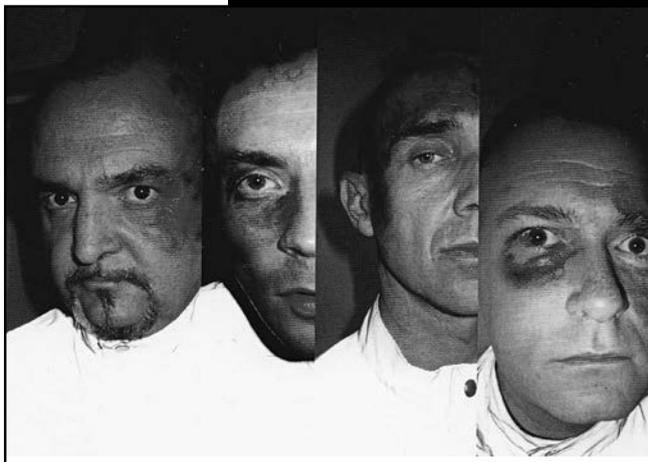
Словом, каждый по-своему, мы достаточно быстро проникли в отдаленные уголки подземного мира и занялись трансформацией исходившей от Кристин и Бэлансы (в Лондоне) энергии Черного Солнца в Белое.

Несколько месяцев спустя мы почувствовали себя достаточно восстановившимися, чтобы завершить цикл ритуалов преобразованием энергии Белого Солнца в энергию Красного (алхимическое Рубедо). Это произошло в ходе перформанса в Институте искусств Сан-Франциско. Финальным результатом наших усилий стало, как минимум, то, что большая группа принимавших участие в ритуалах художников прошла через колоссальные личные и творческие метаморфозы, не говоря уже о пассивных зрителях, также сообщавших о значительных изменениях в сторону «пробуждения» в их собственном течении жизни.

Когда в конце 1985 года Кристин навестила Бэлансу в Лондоне, они принялись сравнивать свои впечатления о ритуале и обнаружили множество совпадений, поразительных даже если учитывать, что детали церемонии были обговорены ими заранее.

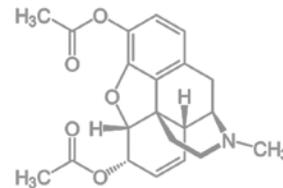
Среди совпадений было, к примеру, то, что и Бэланса и Кристин перенесла на тонкий план лошадь; каждый затем встретил одни и те же две сущности — огромную темную фигуру-помощника, исполненную мудрости, и угловатое существо с длинными пальцами, производившее впечатление враждебно настроенного постороннего. Нарисованные Кристин и Бэлансом символы, которые встретились им в астральном странствии также оказались практически одинаковы.

(далее следует не слишком интересное окончание, в котором автор внезапно сбивается практически на морализаторство и предупреждает, что хотя магия это труд, дисциплина и воля превыше всего. в тексте также упоминается, что в 1988 году был проведен аналогичный ритуал с усложненной структурой — семь магов, семь городов. вот о чем было бы интересно найти подробную информацию, — А.Т.)

Контроль и Джанк

Добрый Гнозис, Катабач!

Сегодня мы попытаемся рассказать вам о проблеме Контроля и Джанка — используя в дальнейшем для описания интересующих нас механизмов сознания/реальности берроузовские термины, мы отнюдь не обязуемся вкладывать в них тот же самый смысл, который пригрезился некогда великому дедушке в его героиновых грезах. Впрочем, следите за руками.

Начнем с того, как это было у классиков:

« 1. Question: If Control's control is absolute, why does Control need to control?

Answer: Control... needs time.

Question: Is Control controlled by its need to control?

Answer: Yes. Why does Control need humans, as you call them?

Answer: Wait... wait! Time, a landing field. Death needs time like a junkie needs junk. And what does Death need time for?

Answer: The answer is sooo simple. Death needs time for what it kills to grow in, for Ah Pook's sake

("Limits Of Control", WSB).

1.2. Inextricably linked with this is the virus of language; a linear concept that would have us accept reality as a single path from one point to another. The individual is left with hopelessness. All of control's practices are against him, the entire present social structure: politics, religion, mass media, the nuclear family and its monogamy. Control relies upon the manipulation of human behavior. This control-circuit can be shortcircuited. Control needs to impose a linear time on its subjects; this is achieved through cultural means, through story, where a beginning, middle and end follow each other without any ambiguity. This is how control wishes reality to seem, and yet the individual is in a constant, and programmed, state of flux. There is no fixed point, no definition, no finite answer or specific formula

("DefinE Control", Thee Psychick Bible, Genesis P-Orridge).

2. Junk is not, like alcohol or a weed, a means to increased enjoyment of life. Junk is not a kick. It is a way of life.

2.2. Junk is the ideal product... the ultimate merchandise. No sales talk necessary. The client will crawl through a sewer and beg to buy... The junk merchant does not sell his product to the consumer, he sells the consumer to his product. He does not improve and simplify his merchandise. He degrades and simplifies the client. He pays his staff in junk.

2.3. Junk is an inoculation of death. It is total negation. Perhaps the intense discomfort of withdrawal is the transition... from a painless, sexless, timeless state back to sex and pain and time, from death back to life.

(WSB) »

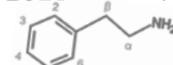
Джанк — это все то, чего мы так страстно желаем, и в чем растворяемся, охотно выменивая свое бытие и осознанность на _гарантированное_ удовлетворение. Джанк это сам алгоритм желаний-напряжения-удовлетворения-расслабления. Джанк это страсть и потребность — хотя, постоите-ка, никакая он не потребность, но очень умело под нее маскируется, присасываясь невидимыми зловещими надстройками холодных этажей к простым и понятным потребностям по Пирамиде Маслоу.

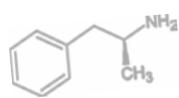
Джанк это Магия, искусство, женщины, наркотики и смерть (смерть, пожалуй, самый странный вид джанка — но очень распространённый). Джанк это три кита развитой личности на пути к Вратам Закона — Максимализм (или Схематизирование), Аддиктивность (или Зависимость от инструментария) и Похоть (или Страсти в широком смысле).

Важно понимать, что желания порождают время — потому что исполняются они только во времени. Только во времени может быть реализовано обладание чем-то чего у тебя не было, а теперь есть. Только во времени _в принципе_ может быть дуализм "не было-есть".

Мишель Фуко пишет в предисловии к чудовищной книге Делёза и Гваттари "Анти-Эдип" — капиталистическое общество приучает нас верить, что желание равнозначно нужде, потребности, и что единственным способом удовлетворения наших желаний есть потребление... желание является производительной силой экономики. «Это не театр — это фабрика». Как и их современник Р. Лэйнг, и как Вильгельм Райх до них, Делёз и Гваттари объединяют психологическое подавление личности с общественным подавлением. В такой оптике Делёз и Гваттари описывают производительный характер желания как подобие «машин желания», которая функционирует наподобие выключателя в большой «схеме» разнообразных других машин, к которой она подсоединена.

И «машина желания» в то же время производит поток желания изнутри себя. Делёз и Гваттари описывают подобие многофункциональной вселенной, составленной из таких машин, соединенных между собой: «Не существует машин желания вне социальных машин, которые они формируют на более высоком уровне; и не существует социальных машин без машин желания, населяющих их на нижнем уровне». Делёз и Гваттари показывают, что шизофрения (в немедицинском, впрочем, понимании, как

явление детерриториализации в принципе) представляет собой крайнее умственное состояние, присущее капиталистической системе как таковой, и что капитализм сознательно последовательно навязывает невротические состояния как средство поддержания нормальности.

Джанк — это то, чему ты подарил частичку себя в момент первого соприкосновения, и с тех пор, на самом деле, страстно мечтаешь ее вернуть, ощущая зияющую пустоту в этом месте и думая что дело не в утраченном фрагменте — а в Джанке...заряженные сексуальные воспоминания, прокручиваемые раз за разом...первый приход по вене ни с чем не сравнить...это непередаваемое ощущение, когда первый раз с тобой разговаривали уважительно, и в глазах всех присутствовавших светилось внимание — тебе захотелось, чтобы и дальше было так, чтобы так было всегда.

Но это невозможно, возможно лишь «подсесть на систему» вождения — шизофренически расколоть себя на субъект и объект желания и лишиться сил к сражению в миру и с миром. Какие силы могут быть у расколотого пополам? Особенно, например, в том случае, если раскол прошел по линии "тело-дух", а Джанком стали приоткрывающиеся каждый раз чуть-чуть больше сияющие эмпирии мира духовного.

Джанк бывает, как минимум, двух видов — специализированного и общего толка, причем на джанк общего толка подсаживаются как правило при невозможности удовлетворить свою настоящую потребность — например, не в силах уговорить женщин на некоторое извращение, человек может находить утешение просто в сексе как таковом, увеличивая число любовниц. Точно так же убежденный иглового наркоман может начать горстями есть психоделики вместо своей истинной страсти, уверять, что так много лучше, и даже сам верить в свою искренность до какого-то момента.

Джанк заставляет нас желать себя через импринты — в основном, приобретенные, по принципу "сделай X и будет очень хорошо". Выпей после трудного дня. Послушай любимый альбом. Докажи, что ты самый лучший хоть в чем-нибудь. Задумайся, ты ведь особенный.

Подкованные читатели могут нам возразить, что, может быть, шизофрения Джанка, лежащая в основе практически всех человеческих стремлений, не так уж и ужасна, ведь в одной мудрой книге, например, сказано:

«28. None, breathed the light, faint & faery, of the stars, and two.

29. For I am divided for love's sake, for the chance of union.

30. This is the creation of the world, that the pain of division is as nothing, and the joy of dissolution all.»

Мы же на это ответим, что главный элемент кроулианы, как и любой, в общем-то, серьезной практической системы — осознанность, предельная честность с собой и окружающими и непрерывное наблюдение за происходящим, а не вовлеченность в него.

Вполне очевидно, что преодоление Джанка в новом Зоне заключается не в том, чтобы избегать его в любом виде и не в том, чтобы позволить разорвать себя на части диким зверям страстей, а в том, чтобы поставить такую замечательную штуку себе на службу. В Великом Делании пригодится любая реальная сила — а что может быть сильнее хорошего Джанка? (а еще, например, ты можешь тратить даваемую Джанком энергию на то, чтобы исследовать сам феномен Джанка и, наблюдая, оценивать реальную мощь его аддикции и привязок, влияющих на твое сознание)

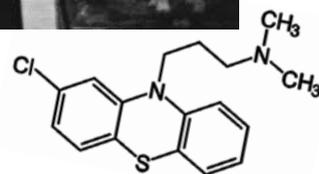
Теперь что касается Контроля:

Нет никакого комитета жидорептилоидов, тайно правящего Землей, как бы нам этого ни хотелось. Руководители Российской Федерации не обсуждают на планерках "сто семнадцать новых способов запятать до смерти человека, а потом его же за это и осудить". Как бы нам это ни казалось все сильнее с каждым днем.

Нет никаких гигантских спрутов, степенно реющих мимо полей розовых ванночек, где в блаженном отрубе лежат наши тела. Нет никаких бесов, нет никаких воладоресов, и людей в черном тоже нет. И Сатаны, желающего уволочь ваши души в ад под рок-ролл, тоже нет. Простите.

Есть Контроль — система общественного договора, которая простирается куда дальше, чем вам расскажет сумма знаний социологии, политологии, психологии и анатомии. Контроль заботится о поддержании вещей, о которых вы даже никогда не задумывались как о переменных — только как о константах, от начала времен и до Страшного суда, когда последний Аватара Вишну Император Нортон возвратится на нагльфаре и будет судить всех с помощью генератора псевдослучайных чисел.

Среди этих вещей — способность управлять реальностью, которую вы видите, магические измерения этой реальности (цель вселенные!), способность полностью изменить содержимое

своей головы и стать другим человеком, доступ к сверхспособностям, колоссальные резервуары творческой энергии и фантазии, а также линейное восприятие времени и пространства, не говоря уже о таких мелочах, как исчерпывающие многоуровневые ответы на все вопросы, которые вам когда-либо приходили или придут в голову.

Надо сделать оговорку, что все эти спруты из “Матрицы”, воладоресы и прочие злые духи, действительно существуют. Правда, абсолютно не в том смысле, в каком существуете, например, вы, оригинал Корана на небесах или математическая формула. Рабочие лошадки Контроля, живущие как внутри вас, так и снаружи, стремящиеся совершенно ощутимо и реально помешать любым попыткам изменить набившую оскомину “реальность” — кто они, что они такое?

Контроль возвел на безбрежной гиперделической пустоте всевозможности настоящий мир, цитадель Порядка, где законы соблюдаются, люди рождаются и умирают, лист не может два раза упасть с одного дерева, и каждая голова думает схоже и может быть просчитана до мелочей заранее. Эта цитадель не физическая, она построена из Законов, из алгоритмов, из программ, внедренных в головы всех и каждого. Бессознательно выполняющиеся программы не воспринимаются как программы, а воспринимаются как естественный элемент реальности — вы же не задумываетесь обычно как вы дышите, или как именно каждый следующий миг бьется в груди ваше сердце?

Реальность — явление конвенциональное, хотя сознательно мы чаще всего забываем об этом. Бессознательно же каждый входящий внутри мира, созданного Контролем, помнит — человек, ведущий себя так, будто не замечает законов этого мира, должен быть либо им принудительно подчинен, либо изолирован. Потому что если таких людей будет большинство, мир изменится, и кто знает, какие леса или летающие алмазы мы увидим завтра вместо привычного неба?

Пробуждение — настоящее пробуждение, а не “просветление” или одна из бесчисленных фантазий о нем, в мириадах форм населяющая структуры мировых религий и сект — это штука весьма опасная. Как для самого пробудившегося, так и для окружающих — теперь он чужой в чужом краю, и не в таком смысле чужой, как русский американцу, а как ксеноморф космодезаннику. Никто не любит тех, кто сам себе Путь и Закон. Никто не любит тех, кто избежал обязательных боли и ярма, потому что не захотел их. Маскироваться бесполезно — трудолюбивые муравьи бесконечного здания Контроля вычисляют чужого прак-

тически по запаху.

Контроль берет на себя ответственность за твои страдания — объясняя их, уча, как их избежать или объявляя неизбежными.

Контроль берет на себя ответственность за твою смерть — распоряжаясь твоим холодным телом, производя религиозные или светские процедуры, объявляя о твоей загробной судьбе как устами официальными, так и неофициальными — через мнение знавших тебя при жизни о том, “куда ты мог бы попасть с такой кармой”.

Контроль берет на себя ответственность за твою историю — ты продаешь время своей жизни за дырку от бублика, играя по его правилам, выкладывая ему по первому запросу всю информацию как о вехах своей жизни, так и о ее распорядке, симпатиях-антипатиях, связях с другими и ценностном потенциале. Когда ты умрешь, Контроль сможет собрать воедино нить твоей жизни, смонтировать из нее подходящий назидательный или наоборот будоражащий вариант, и показывать этот фильм другим через историю — превратив тебя в конечный субъект взаимодействия во времени и освещенный лишь тусклым светом казенной лампы Контроль ждет твоей смерти, ждет-не дождется конца, чтобы, уверившись, что жизненной силы тут больше нет, написать на тебя РЕЦЕНЗИЮ.

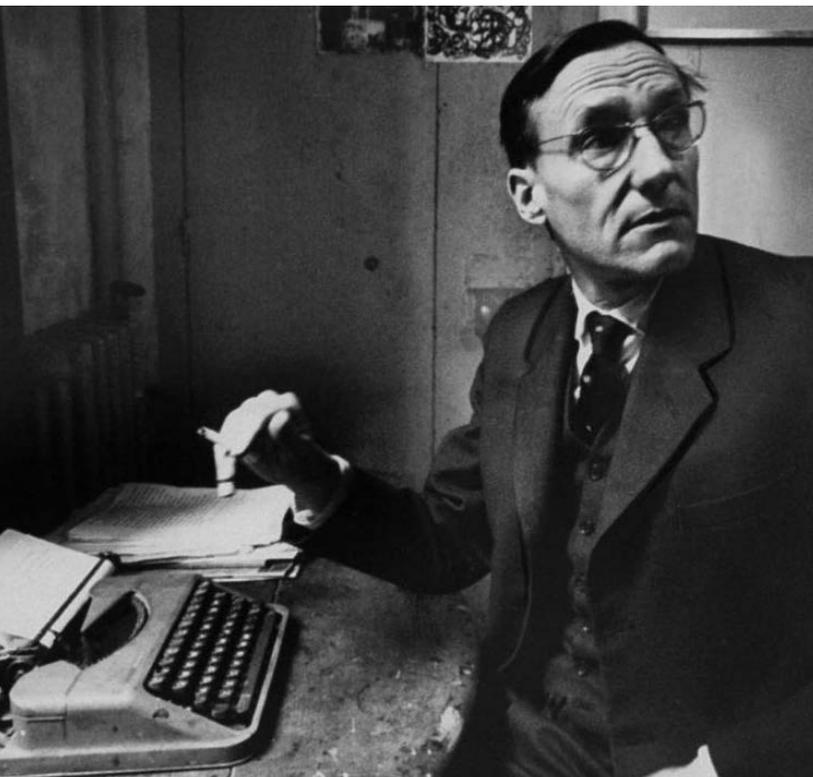
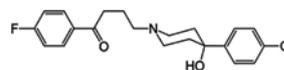
Одно из главных орудий Контроля — Джанк, с помощью которого останавливаются на полпути даже наиболее отважные из духовных революционеров. Их кормят возможностями, их кормят властью, их кормят вниманием. А потом дают понять однажды, незначай, как это будет — если все, в благодарность данное вроде как за заслуги на поприще революции, вдруг исчезнет. Никто не хочет, чтобы Джанк исчез. Все хотят еще, как можно больше, или хотя бы столько же.

Контроль умело использует как абсолютно все естественные импринты человеческих существ, так и множество искусственных построений, которые в условиях искаженной реальности Контроля становятся неотличимы от природных фактов.

У Контроля нет чувства юмора (хотя у отдельных его рабов оно может быть — какое-то первое время) и он не понимает и боится магии (хотя может судорожно и натужно практиковать ее примитивные формы — такие, как жертвоприношение или молитва).

Контроль неживой. Это механизм, который подерживает нашу жизнь на этой планете на множестве разных уровней — и если бы мы были согласны прожить всю жизнь только лишь теми, кем мы родились — Контроль стал бы нашим лучшим другом, а мы бы все превратились в одного доброго праведного Диму Энтео.

Я надеюсь, что вы думаете по-другому
Я надеюсь, что вы знаете — все это правда
Я надеюсь, что вы верите — те, кто пока не знает.
Вы скоро узнаете.
Любовь есть Закон, Любовь в соответствии с Волей
Ничто не Истинно, Все Разрешено
Слава Эриде.

Просветление СКАЧАТЬ Бесплатно

REVOLUTIONS PER MINUTE

*Люди, люди! О смертный род!
Жизнь людская, увы, ничто!
В жизни счастья достиг ли кто?
Лишь подумает: «Счастлив я!» —
И лишается счастья.
Рок твой учит меня, Эдип,
О злосчастный Эдип! Твой рок
Ныне уразумею, скажу:
Нет на свете счастливых.*

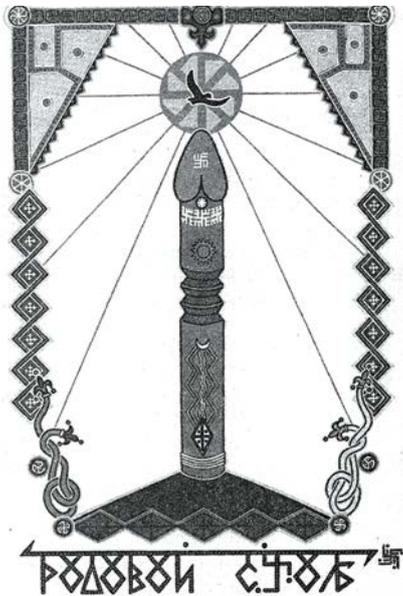
Софокл, «Эдип-тиран».

Ещё за несколько лет до выхода в свет опусов Карлоса Кастанеды Жак Лакан в своём семинаре 1954-1955 годов ввёл понятие инвентарного списка. Эта такая штука специальная на манер гегелевского тотального Begriff (Понятия), концептуально понятного бытия. Begriff это истина, das Wahre. Но у Лакана это тотальная ложь. Хотя если залезать в философские дебри, то и у Гегеля истина это ложь, уж простите за очередной оксюморон. Это так просто в силу того, что любое обобщающее высказывание не соответствует импрессионистической действительности. Руанских соборов много, если верить Клоду Моне. Всё течёт, всё изменяется. Поэтому Символическое со своими инвентарными списками есть не что иное, как платоновский мир идей, противостоящий преходящей реальности, этому миру теней. Впрочем, следует заметить, что у лакановского Символического, в отличие от платоновской статичной Гиперурании, есть внутренне присущее ему особое время. Но об этом чуть позже.

Так вот, мы не встречаемся с реальностью. Мы живём говорением о реальности. Мы живём в виртуальном мире символов. Инвентарный список есть спиральный процесс бесконечного повторения мантических заклинаний о реальности, процесс её означивания. «Реальность — то, реальность — сё», — хохочут над нами и над собой авгуры.

«Я» и есть этот инвентарный список, составленный бухгалтерией Другого. «Я» состоит из образов себя и мира, инсталлированных в индивидуальный разум. Инвентарный список задаётся сознанию на заре его, сознания, возникновения в младенчестве. И мы этот список повторяем как попугаи. Вот что я сейчас, по-вашему, делаю? Правильно, повторяю банальности инвентарного

Подпись: Творено Велеславом, волхвом общины «Родолубие»

списка постсовременной эпохи — твержу, как «Отче наш» всю эту бодягу про Матрицу и долбанные симулякры. Бодрийяр-шмодрийяр — это давно уже часть нынешней культуры. Мы же с вами, товарищи, культурные люди? Культурные. И мы, как культурные люди, просто-напросто обязаны повторять *всю эту хрень* весь этот дискурс. Обязанность — это и есть навязчивость повторения. Чтоб вы не расслабились, вас вяжут и обязывают. Вы думаете, что делаете это сами, как взрослые ответственные люди, и таки да — сами, но за вашим желанием, а зохен вей, скрывается желание Другого.

Вспомним утверждение Лакана: бессознательное структурировано как язык. А что у нас там говорил команданте де Соссюр о языке? Вот то-то и оно, вот то-то и сверх-я. Принцип навязчивого повторения запускается фатальным несоответствием означающего и означаемого. Фактически, есть только поток плывущих означающих, этих бесконечных поправок к срывающимся попыткам уловить истину человека. Истина человека — это Благо. Благо это неведомый, и поэтому фантазмический суперприз, призванный раз и навсегда удовлетворить принцип удовольствия. Этот НЁХ никто никогда не видел и не достигал, но он постоянно замещается псевдоответами — всякими метафорами и метонимиями. В этом и суть человеческого водевиля. All that jazz. Это и есть Wiederholungszwang доктора Фрейда — принцип навязчивого повторения, или, как его переводит Лакан, принцип настойчивого, упорного повторения.

Символическое — это страж порога и сам порог. Куда ведут эти врата? Нам говорят, что к благу, всеобщему и окончательному. Символическое устроено как взаимосвязанная система последних обещаний. Это морковка на удочке, которую держит наездник перед ослом, заставляя глупое животное бежать вперёд. Но за порогом открывается новый коридор, ведущий к новым вратам, на этот раз наверняка последним-препоследним. Вот так и устроено внутреннее время Символического — становление. Но нас ведь интересует не становление само по себе, а повторение.

Так чем же запускается механизм повторения? Не только несоответствием означающего и означаемого, но, прежде всего, так называемым привилегированным Означающим, или, по-другому, Именем Отца, или совсем по-другому, Фаллосом. Что это такое? Привилегированное Означающее, по Лакану, это и есть «последний» ответ на вопрос о Другом. Означающие плывут не равномерно, а дискретно, скачками, по принципу метафоры смещающейся от стойки к стойке. Но каждая такая стойка есть метонимия-синекдоха — замещение частью неведомого целого. Часть претендует на роль целого — недостижимой цели, поэтому часть становится привилегированной.

Легко заметить, что привилегированное Означающее связано с принципом власти. Фаллос это скипетр власти — столп

и утверждение истины, спущенной сверху сувереном. Полисемия русского слова «спустить», с его табуированно-сексуальным значением, как нельзя более точно описывает суть дела. Отец извергает семенные логосы, оплодотворяя и оформляя бессознательную материю. Имя Отца — властный смысл, закрепляющий текучую реальность царской печатью-тюпосом. Но это ненадолго. У отца подрастает сын, который символически свергнет родителя в перипетии эдиповой стадии. Сын унаследует титулованное Имя Отца и сам станет царём. Эдип сдуру убивает Лая, Зевс осознанно свергает Кроноса. Так в повторении прерывисто длит себя человеческая история. Человеческая психика революционна.

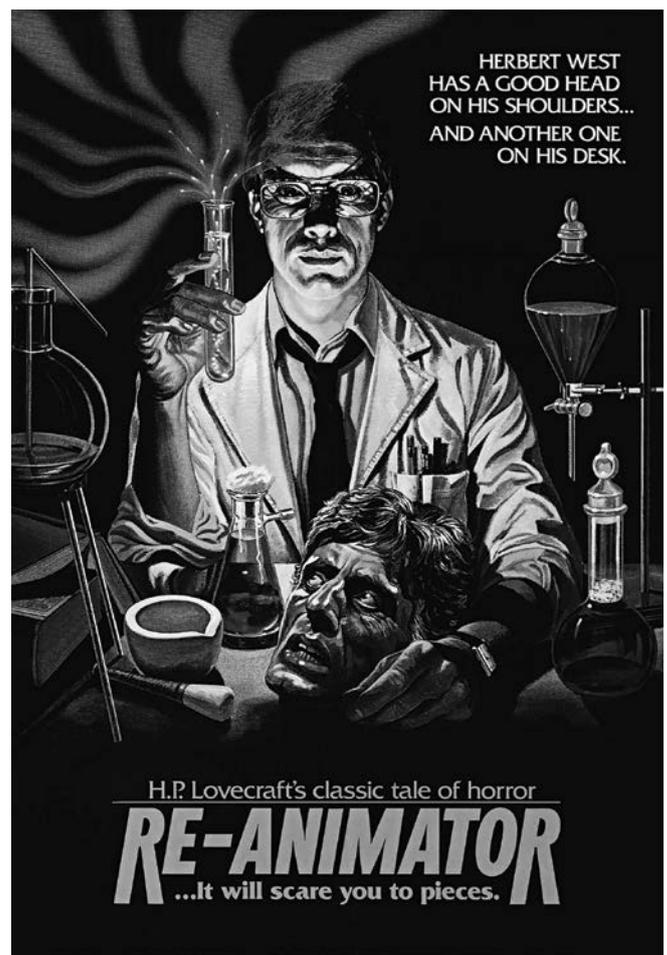
ДОКТОР ВЕЧНОГО ПОВТОРЕНИЯ

«Счастье найдено нами», — говорят последние люди, и моргают.»
Ф.Ницше, «Так говорил Заратустра».

Что находится по ту сторону принципа удовольствия? Те, кто «давно в философском бизнесе» способны почувствовать в этом вопрошании обертону основного вопроса философии — «почему есть всё, а не наоборот — ничто?». Серьёзность этого вопроса заставляла великие умы отказаться от попыток прямолинейного ответа на него и толкала их двигаться в своём мышлении окольными путями музыкального контрапункта. Попробую и я разглядеть свет танцующей звезды. Буду плясать фрагментарными очерками о Повторении в надежде на ваше полифоническое сознание, товарищи. Надеюсь, в нас есть ещё хаос для этого.

Повторение — мать единственно верного учения. Но чтобы понять Повторение, необходимо обойти апорию — необходимое место — и рассмотреть очами ума его с разных противоречивых сторон. Претворить этот оксюморон в жизнь мне и поможет полифония. И пусть вас не обманывает категоричность моих суждений, это всего лишь музыкальные темы целого. Доиграть его до конца, пока мы в истории, невозможно. Итак, поговорим о ре-волюции.

По ту сторону принципа удовольствия находится сама смерть. Но смерть это фантазм в воображении людей. Живое существо, покуда оно живо, со смертью не встречается. «Смерть» это имя для неименованного. Это энигма, загадка как таковая. И разгадка её отменит саму жизнь, маленькую жизнь последнего человека. На весах символического обмена смерть стоит всей жизни.

Смерть — абсолютная ценность, равновеликая жизни. А раз так, то неведомая смерть это пустой контейнер для наших напряженных фантазий о ней. Смерть — это агальма!

Влечение к фантазмической смерти — принцип, запускающий то, что Жак Лакан называл прибавочным наслаждением, по аналогии с прибавочной стоимостью Маркса. Но в экономическом строе психики (термин «экономический» применил к душе человеческой сам Фрейд) господствует принцип удовольствия. И он не знает исключений и потусторонних сторон. Мы, люди, стремимся к абсолютному благу. Но ауто агафон неведом, и что самое смешное — неведомо, есть ли оно вообще, это абсолютное благо. Но последние люди не утруждают себя сомнениями в авторитетах, они моргают и влекутся к Благу.

Людей бессознательно влечёт к смерти. Что их влечёт к небытию? Влечение к благу, как счастью. Эрос! Благо как таковое — это смерть. Непостижимая смерть и есть суперприз в экономической гонке. Смерть — собственность мифических Господ и мечта мелких буржуа — Рабов жизни.

Конечность человека в бесконечном мире — такова специфически человеческая реальность. Это реальность острого желания человека быть отдельным от пут причин и следствий, налагаемых физическим существованием. Но живое существо, ставшее полностью отдельным, свободным от породившей его стихии жизни и существования, есть существо мёртвое. Абсолютная свобода для человека есть его биологическая смерть. Абсолютная свобода, как писал Гегель в «Феноменологии духа», это «фурия исчезновения». Но если не впадать в религиозную метафизику удвоения бытия, то мы с необходимостью придём к тупику: «свободный» труп очевидным образом несвободен.

Этот парадокс решаем. Быть отдельным от мира, и при этом оставаться в живых, значит быть конечным. Это значит — человеческое бытие есть бытие-к-смерти. Человеческое бытие есть отложенное самоубийство. Отложенное по собственной воле, самоубийство присваивается человеком как собственность и становится снятым моментом в его историческом становлении.

Чтобы разобраться со всей этой запутанностью, следует помнить о двусмысленностях и двузначностях в наследии Фрейда и тем более Лакана. Уж я молчу про Гегеля. Их мысль переливается павлиньим хвостом, порождая метафизическое головокружение. Ничего страшного, разберёмся.

Просто надо понять, что психоанализ доктора Фрейда это не реакционное учение об адаптации к наличному положению дел и о социальной гармонии. Вот же ж мерзость пред Господом вся эта эго-психология последних людей, расплодилось, понимаешь, как земляные блохи, спасу от них нет! Фрейдизм это освобождающее учение о мужестве человека быть конечным, о сознательном столкновении повзрослевшего Человека с бесчеловечным абсурдом нашего мира. Поэтому рано или поздно психоанализ должен быть преодолен на путях невозможного эвдемонизма.

Дерево свободы время от времени должно орошаться кровью патриотов и тиранов. Это его естественное удобрение.

Т.Джефферсон, «Письмо к У.С.Смитю».

Философия итерационизма должна фундаментироваться в социологии демографической когорты. Каждое поколение людей, конституируемое определённым событием, превращает память об этом событии в общественный диспозитив, используя таковой как ограду (латинская «когорта» — cohors — буквально «огороженное место») собственной коллективной идентичности. Я имею в виду не демографическое событие в строгом смысле этого слова, а событие Повторения, то есть событие революционное (re-volutio).

Поколение, следующее за живыми актёрами события (для каковых событие есть субстанция, а не только образы памяти), воспринимает прошлое событие лишь репрезентативно, в форме славного аненербе. Это наследие предков становится универсальным активом, субтильным золотом, инвестирование которого в общественный ойкос-дом бытия созидает его Укрепь™.

Не имея доступа к непосредственному переживанию прошлого первособытия, поколение эпигонов-потомков неизбежно инфляцируют сокровище отцов. Божественная докса-слава становится профанической доксой-мнением — симуляционной

молвой, либо в форме пропаганды, гальванизирующей убыточное сознание нехватки, либо в форме декадентского спора о сущности первособытия.

С этой проблемой столкнулись ещё эллины во времена становления полисной демократии. Первособытие — это тираноубийство и катастрофически-торжественное осознание себя обществом в пустоте демократии. Над гражданами нет больше фигуры Отца, универсального подателя смыслов. Отныне смысл под вопросом. Теперь одни говорят на агоре так, другие эдак. Разгорается диалектика — спор о сути общественного бытия, спор, который только и возможен в профанической ситуации оставленности-заброшенности.

Отсутствие непосредственного переживания первособытия порождает ностальгический миф об аристократическом Золотом роде, теогенетически восходящем к блистательной полноте смыслов эпохи Кроноса. Этот мифический род — имажинативная нить, связывающая поколения просодическим ритмом. Разумеется, миф о Золотом роде амбивалентен — это и реакционная сегрегация, деление людей на породу духовно живых и породу вырожденных ублюдков, но это же и часть общественной пайдеи — эпической пропаганды.

Первособытие становится первотравмой через эдипальный механизм столкновения поколений. Отец — носитель и даже узурпатор первособытия, сын же вообще не застаёт юности мира, будучи погруженным в проклятие внечеловеческого времени. Полемос обусловлен именно этим необходимым обстоятельством отчуждения, этими дискретными скачками уже человеческого времени.

Сын вынужден роком убить отца, наследуя его царство. Килонова скверна сопутствует Делу народа. Но вместо жизни сыну достаётся вампирическая симуляция жизни — Символическое — эпическая речь о прошлом. Фатальное упущение шанса Кайроса есть «первособытие» сына — его первотравма. Первотравма есть консервация Негации в условиях отсутствия пришествия подлинного События. Первотравма — это активная нехватка.

Трагедия Эдипа разворачивается на первосцене, вытесненной в бессознательное. Дело не только в том, что забытие — эмблема бессознательного. Дело, прежде всего, в самой возможности «кубического сантиметра удачи». Анамнезис позволяет спуститься в подвал души и осознанно пережить повторение первотравмы. Дионисийский театр-театрон позволяет оживить камланием мимов на подмостках первосцены повторение первособытия. Вопрос лишь в том, является ли порог началом дороги?

© Ракушечная Свобода

Да воскреснет Бог!
Великая польза веры

 ил человек и верил в Бога. Жил другой — и не верил в Бога.

Вот они умерли. Тот, что верил, верит и сейчас. А тот, что не верил, не верит и сейчас. А может быть и верит? Может быть верит, а может быть не верит. Зато тот, что верил, — точно уж верит.

Жил то он пять тысяч лет назад — значит, уже пять тысяч лет верит. Вот это да! Целых пять тысяч лет верит!

Аминь.

SANITARIUM

ИЛИ МЫШЛЕНИЕ СТРАННОЕ И БЕСПОЛЕЗНОЕ

Если суммировать все вышеозначенные беседы, перед нами открывается возможность совершить поворот в сторону прогрессивного поведения и, в конечном итоге, успешной реализации главной цели Эволюции и приобретению такого неоспоримого преимущества непрерывной осознанности как ничем не ограниченное счастье, известное как “блаженство” — оно представляет собой результат действия законов, управляющих пресуществлением поведения физического тела в духовные достижения и, как следствие — манифестацию магического и мистического уровней космической Осознанности, из-за чего появляется готовность к полной самоотдаче Высшему Я, которое ожидало такой возможности на протяжении бесконечных эпох времени, и порой проявляло себя во время погружения в состояние полусна или в качестве потери сознания, граничащей с почти полным отсутствием мысли.

В частности, в областях, затрагивающих футуристическое мышление нового типа, приходится иметь дело с несколькими абстрактными, почти полностью скрытыми эмоциональными тенденциями, которые приводят исследующего к выводу, что последствием взаимодействия между позитивными и негативными силами является возникновение жизненно важного связующего звена между Бессознательным и Сверхсознанием, фактически, двумя разумами, которые могут быть рассмотрены как две отдельные структуры с совершенно различными качествами.

Как мы можем наблюдать, как только один или больше интенсивно ощущаемый тип энергий становится устойчиво ассоциируемым с высшими уровнями феноменального восприятия, эти новые формы сразу же начинают восприниматься через призму двух вышеупомянутых разумов, в городских школах и офисах возникают различные организации психологической помощи, специализирующиеся на попытке решения проблемы сортировки регистрируемых новых эмоциональных и физических впечатлений, и это, конечно же, только усложняет ситуацию, суть которой давно и хорошо известна как проблема невозможности одновременного полноценного переживания двух или более идей противоположного свойства в один момент времени.

Возможно, кому-то из вас покажется легче сказать: «Ну и что?», и эта мысль сама по себе одна из главных причин трудностей, которые испытываем мы, те из нас, которые столь долгий срок уже держат свечу в темноте, в ответ мы укажем на необходимость направления суммы усилий на воспламенение определенного

процесса, ведущего к познанию Успокоения за дикой и изменяющейся видимостью, которая безначальна и бесконечна, и эти слова есть ключ к началу долгого Путешествия навстречу истинному пониманию, и это понимание есть то самое единственное сокровище, о котором молит вслух небеса каждое человеческое существо, как бы оно ни зажимало себе рот руками.

Иногда по вечерам может возникнуть ощущение такого рода, которое преследует детей младшего возраста, в темном лесу на крыльях черного ветра что-то придет, и свет померкнет, оставив лишь низкий звук, проникающий сразу в глаза, которые видят темные фигуры, и хочется убежать в безопасное гнездышко, просто куда-нибудь подальше отсюда, белые зубы блестят и детские носы перемазаны грязью, они карабкаются на гору на которой растет много высоких деревьев, зеленая листва, бурая кора, на которой выступает смола, высыхает на поверхности и застывает, превращаясь в твердую корку, однако смола под этой твердой коркой вовсе не высохшая, вовсе не мертвая, и состояние ее близко к состоянию чистой субстанции — и это напоминает нам о доме, и о печенье, и об улыбках танцующего вокруг золотого света полудня, пока отец добродушно пускает колечки из трубки, а потом берет топор и отправляется на гору, чтобы срубить растущее там высокое дерево.

Для того, чтобы удостовериться в достоверности фундаментальных качеств, присущих решению современных философских проблем, первое, и главное, что следует рассмотреть — поле абстракций, ассоциируемое с потерей Природы, а также со взаимодействием с первичными силами самой жизни, возможность чего была доказана и без тени сомнения имеет реальные основания — в поле Абсолюта в состоянии пустоты, постигаемой умозрительно — что в определенном смысле можно описать как перевертыш старой поговорки “Из ничего чего-то не выйдет”. Как мы можем видеть, этот тип мышления, который был присущ человечеству еще с рассвета времен, является всего лишь дымовой завесой, функция которой — скрывать правду, которую искали веками — словом, критическое мышление глубоко укоренено в наших умах, и это только на руку мрачным и разрушительным силам, желающим, чтобы мы вечно гнили во тьме и неведении, и отказывающимся даже признавать факт нашего существования, или то, что оно более важно, нежели зубная боль.

Если попытаться обогатить наш разговор сравнительными примерами — представьте себе, как прекрасен был бы мир победившей гигиены полости рта, где ни у кого никогда не было бы проблем с зубами, языком, деснами — вследствие этого быстро исчезли бы все страхи, связанные с зубной болью и стрессом от посещения стоматолога, и самой идеи, что блестящая красивая поверхность зубов может быть изъедена болезнью, не говоря уже о неприятном запахе изо рта, и обесцвечивание, а затем и появление дырок на однажды прекрасных психических образах, и возможность разрушения отношений из-за проблем со ртом, с зубами, которые хотя и не являются необходимым строительным блоком в вашем домике счастья, могут быть той маленькой червоточинкой, которая непрерывно будет транслировать негативные импульсы в ваш некогда спокойный и блаженный ум, заражая его странным и бесполезным мышлением

странным и бесполезным мышлением
странным и бесполезным мышлением
странным и бесполезным мышлением
странным и бесполезным мышлением
бесполезным мышлением
бесполезным мышлением
бесполезным мышлением

© Дэвид Линч, текст
© Адам Т., перевод

БОЛЬШИЕ БУКВЫ: «А»; ПРОСТО «А»

Этим текстом Недорогая Редакция открывает рубрику, посвящённую чудесному миру священных писаний разнообразнейших религиозно-эзотерических и философских традиций. Недорогая Редакция обладает недостатком чрезвычайно неэффективно растекаться мыслью по древу и упускать из виду важное, поэтому для рассмотрения берутся только самые сжатые тексты из важных и самые важные тексты из коротких — тексты-квитэссенции, тексты-символы и тексты-ребусы. Первым комом будет САМАЯ ЛАКОНИЧНАЯ буддийская сутра, Bhagavati Prajñāpāramitā sarva-Tathāgatā-mātā ekākṣarā, «**Сутра победоносной Запредельной Мудрости, Матери всех Так Пришедших — Так Ушедших, в Одну Букву**».

*«Так я слышал однажды. Благодатный пребывал в Раджагрихе, на Пике Коршуна, вместе с Большим Собранием из тысячи двухсот пятидесяти нищенствующих монахов и Великим Собранием из многих сотен, тысяч, десятков миллиардов, сотен миллиардов Пробуждающихся. В это время Благодатный обратился к достопочтенному монаху Ананде, сказав так: **Ананда, восприми для блага и спасения всех существ эту Запредельную Мудрость в Одну Букву, а именно:***

А

Так проповедовал Благодатный. Достопочтенный Ананда, большое собрание нищенствующих монахов, великое собрание Пробуждающихся и все существа во всей Вселенной, со всеми небожителями, людьми, воинственными демонами и духами возрадовались и восхвалили проповедь Благодатного.»

Поздравляю вас!

Вы ознакомились с самой краткой проповедью Будды Шакьямуни (он же — Благодатный, он же Так Пришедший, он же Почитаемый Миром, он же — популярный медийный персонаж, символ блаженного похуизма для широких народных масс на Западе, он же — объект обрядоверческого культа для широких народных масс на Востоке).

Эта проповедь, состоящая из одной лишь буквы, является квитэссенцией, концентратом всего буддизма как религиозной, философской и психопрактической системы — и как все концентраты, является слишком ядрёной для употребления вовнутрь без подготовки. Мы не будем давать инструкции для употребления вовнутрь, а просто предоставим краткую аннотацию к этому сильнодействующему средству. Итак...

А — значит Абсолют.

«Истинная, абсолютная реальность не может быть описана и обозначена. Она, в принципе, несемiotична и недоступна для языкового выражения. Все описываемое не есть реальность, и все реальное не может быть выражено в языке и представлении.» (Е.А.Торчинов)

Праджняпарамита-экакшара сутра относится к группе сутр Праджняпарамиты (сутр Запредельной Премудрости). Само название «сутра» в буддийском контексте обычно означает «текст, содержащий проповедь исторического Будды», но касательно сутр Запредельной Премудрости сразу должна следовать важная оговорка — то, что сутры Праджняпарамиты содержат слова Будды Шакьямуни могут оспорить (и оспаривают) те, кто придерживается южной версии буддизма.

Для человека, не знакомого с буддизмом достаточно близко, может быть несколько удивительным тот факт, что единого буддизма как такового не существует, как и не существует единой авраамической религии, основанной на семитских верованиях. Скорее речь должна идти о «буддийских религиях».

Сутры Праджняпарамиты — это Новый Завет буддизма, возникший спустя пять веков после ухода легендарного основателя буддизма. Для современных приверженцев ортодоксального южного буддизма — Тхеравады, данные тексты являются в лучшем случае неизвестными апокрифами.

Но для последователей буддизма Махаяны (к которому относятся все остальные школы, включая гималайский буддизм, с далай-ламами и тантрой, а также дальневосточные школы — с дзеном и шаолинем) сутры Праджняпарамиты являются сердцем всего буддийского учения.

В чём же особенность данных сутр?

Помимо социального посыла, заложенного в бэкграунде сутр и заключающегося в реформирующем раскачивании клерикальной лодки, эти тексты содержат новый философский вектор: все предыдущие проповеди Будды характеризуются ими как имеющие относительное значение. Весь фундамент буддийского учения — Четыре Благородные Истины, Благородный Восьмиричный Путь, Двенадцатизвеньевая цепь причинно-зависимого происхождения — всё это объявляется лишь схемой; картой, за которой иногда сложно увидеть местность.

Сутры же Запредельной Премудрости — это разъясняющие пометки на этой карте, которые призывают посмотреть за пределы карты (своего восприятия мира, относительной истины) и увидеть реальность (абсолютную истину).

Каким же образом это делается?

А — значит Апофатика

Главным методом указания на истинную реальность в сутрах Праджняпарамиты служит отрицание.

Слово «арбалет» не является самим арбалетом. Карта местности не является самой местностью.

Именно данный принцип лежит в основе двух наиважнейших сутр Запредельной Премудрости, «Сутры Сердца» и «Алмазной сутры». В этих сутрах понятия буддийской философии, основы всего учения утверждаются через отрицание — и именно это превращает их в мощнейшие психопрактические инструменты (являющиеся таковыми, правда, только для людей с буддийской прошивкой восприятия).

«Истинная реальность постигается благодаря йогической интуиции, которая и есть праджня-парамита. Праджня-парамитские тексты предназначены для порождения в воспринимающем их человеке соответствующего состояния.»

Следовательно, если учесть невыразимую природу реальности, праджня-парамитская сутра есть текст, отрицающий сам себя. Последний пункт особенно важен — праджня-парамитский текст — текст с психопрактическими функциями.

Как показали еще в 70-е годы исследования эстонского буддолога Л. Мялля, праджня-парамита представляет собой объективацию в виде текста определенного «пробужденного» состояния сознания; в свою очередь, такой текст способен породить аналогичное состояние сознания у человека, вдумчиво текст изучающего (состояние сознания — текст как его объективация — состояние сознания).

Изложение материала в праджня-парамитских текстах

тоже далеко от дискурсивной линейности: многочисленные повторы и ошеломляющие парадоксы специально предназначены для активного трансформирующего воздействия на психику воспринимающего текст человека.

<...например,> парадоксальность «Сутры сердца [праджня-парамиты]» выражается кощунственным для традиционалиста-хинаяниста отрицанием реальности Четырех Благородных Истин («нет ни страдания, ни причины страдания, ни прекращения страдания, ни пути»), звеньев цепи причинно-зависимого происхождения – все они «пусты», они «бессамостны» и т.п.

Чтобы понять, насколько шокирующе звучала эта сутра для буддиста, жившего полтора тысячелетия назад, представьте себе христианский текст, в котором Христос провозглашает, что нет ни Бога, ни сатаны, ни ада, ни рая, ни греха, ни добродетели, и т.д.» (Е.А.Торчинов)

В сутрах Праджняпарамиты прямо отрицается принцип самосущности дхарм — единственных самотождественных и неделимых элементов-качеств, из которых состоит реальность, согласно более ортодоксальным школам.

Таким образом, слово «арбалет» не является арбалетом, но и слово «слово» не является словом.

И тут наконец можно перейти непосредственно к содержанию Сутры Запредельной Премудрости в Одну Букву. Данный текст не сохранился в санскритском оригинале (будучи уничтожен во время мусульманских вторжений в Индию), однако уцелел в тибетском каноне, а также — в каноне вьетнамских и дальневосточных школ.

Видный современный представитель дальневосточной школы Чань, Сюань Хуа называл «Праджняпарамита в Одну Букву» ничем иным, как «сутью всей Праджняпарамиты» и «Сердцем внутри Сутры Сердца».

Именно тот факт, что «Праджняпарамита в Одну Букву» не сохранилась на санскрите, но является очень популярной на других языках традиционного буддизма Махаяны, заключена великая ирония.

Дело в том, что буква ञ (а), из которой и состоит по сути «Праджняпарамита в Одну Букву» является не только первой буквой алфавита санскрита, но и превращает любое санскритское слово в противоположность, когда выступает в роли приставки — совсем как в грецизмах: «(а)социальный», «(а)теизм» и т.д.

Этот нюанс и является наиважнейшим для понимания всего значения «Праджняпарамиты в Одну Букву». Санскритская буква «а» и является тем самым Алмазным Скипетром-Ваджром, Отсекающим Заблуждения, который фигурирует в полном названии другого классического праджняпарамитского текста, «Алмазной Сутры».

В качестве примера такого парадокса можно привести небольшую цитату из «Алмазной сутры»:

«Субхути, когда Будда проповедовал праджня-парамиту, то она тогда была не праджня-парамитой. Субхути, как ты думаешь, проповедовал ли Татхагата какую-нибудь Дхарму?»

Субхути сказал Будде: «Нет ничего, что проповедовал бы Татхагата».

– «Субхути, как ты думаешь, много ли пылинки в трех тысячах большой тысячи миров?»

Субхути сказал: «Чрезвычайно много, о Превосходнейший в мире».

– «Субхути, о всех пылинках Татхагата проповедовал как о не-пылинках. Это и называют пылинками. Так Приходящий проповедовал о мирах как о не-мирах. Это и называют мирами. Субхути, как ты думаешь, можно ли по тридцати двум телесным признакам распознать Татхагату?»

– «Нет, о Превосходнейший в мире, нельзя по тридцати двум телесным признакам распознать Татхагату. И по какой причине? Татхагата учил о тридцати двух признаках как о не-признаках. Это и называют тридцатью двумя признаками».

В этом фрагменте диалога между Буддой и его учеником Субхути, который, собственно, и образует эту сутру, последовательно проводится одна мысль: в опыте мы имеем дело не с реальностью, а с ее наименованиями, то есть ментальными конструктами (викальпа, кальпана), подменяющими для нас реальность как она есть, и эта подлинная реальность незнакома

(несемиотична) по своей природе, она запредельна наименованию.» (Е.А.Торчинов)

Дальнейшее развитие этого буддийского апофатического принципа дало знаменитые «Восемь Отрицаний» философа Нагарджуны (который, как считается, и принёс вновь в мир людей сокровытые ранее сутры Запредельной Премудрости).

Эти Восемь Отрицаний являются т.н. «срединным» описанием абсолютной и недвойственной реальности (и образуются, конечно, путём добавления отрицающей приставки а к ключевым понятиям индийской философии): **anīrodham** (непрекращающаяся) **anutpādam** (но и не возникающая) **anucchedam** (неуничтожимая) **aśāśvatam** (но и не вечная) **anekārtham** (не единообразная) **anānārtham** (но и не различающаяся) **anāgamam** (не прибывающая) **anirgamam** (но и не убывающая).

Именно поэтому буква ञ и соответствующая сутра являются в тибетском тантрическом буддизме описанием недвойственности (тибетцы зовут её *yi ge gcig ma*, «Единый Слог»), а также — символом нерождённой природы Пустоты (буддийское понятие «шунья»), оно же «Пустота», является весьма сложным для объяснения, а тем паче — для понимания, напоминая ризому постмодернистской философии, частично пересекаясь с этим понятием в значениях).

Если же продолжить метафору про «карту и местность», то можно сказать — «Праджняпарамита в Одну Букву» прорезает в «карте» дыру в виде гигантской буквы А, после чего карта (наше восприятие) становится трафаретом, сквозь ПУСТОТУ в виде «а» виднеется окружающая местность (истинная реальность).

Впоследствии апофатический подход к самой концепции недвойственности переняли у буддистов их постоянные идеологические противники — индуисты. В результате этого появилось такое направление индуизма, как адвайта-веданта, в котором апофатический отсекающий принцип кратко выражался мантрой «*neti, neti*» (ни то, ни это).

Впрочем, за это современное заимствование из Махаяны (а также — за ряд прочих) основателя адвайты Шанкарачарью представители ортодоксальных индуистских школ неоднократно называли «криптобуддистом».

А — значит Абстракция

«Символ А не соответствует ничему такому, что было бы нам знакомо в обычной жизни. Ребенку буква А показалась бы ужасно абстрактной; поэтому мы вместе с ней даем ему какую-нибудь знакомую концепцию. “А — это Арбуз, полосатый снаружи и красный внутри”.

Это преодолевает трудность, которая у него сразу возникает; но он не сможет продолжать серьезный прогресс, если у него вокруг букв будут скакать и вертеться Арбузы, Бананы и Волки.

Буквы абстрактны, и рано или поздно он должен это осознать. В физике мы уже выросли из рамок арбузно-банановых определений фундаментальных символов. И в ответ на вопрос о том, что же такое на самом деле электрон, мы можем только ответить: “Это часть азбуки физики”.» (А. Эддингтон)

За пределами этого текста, который ты читаешь, дорогой читатель, осталось ещё много чего интересного: «а» как «Абсурд» или вот «а» как «Апофения» (милая сердцу Недорогой Редакции), параллели нуллифицирующего индийского ञ с другими сакральными собратями - нулевым каббалистическим ק и греческой альфой — началом всякого бытия.

Здесь могли бы быть занимательные исследования на тему того, что звук «а» становится сакральным в верованиях многих народов в связи с тем, что его может произнести умирающий и рождающийся человек.

Мы могли бы вскользь осветить отдельные практики, связанные с символом буквы «а» (и Праджняпарамитой в Одну Букву) в буддийских школах Сингон и Дзочен.

Но мы не будем всего этого делать. Отчасти из-за нежелания насыщать текст про буддийскую гильотину Оккама лишними сущностями, отчасти из-за собственной ленности, а отчасти — из-за желания оставить дорогим читателям возможность самим проводить занимательные аналогии.

a-kāro mukhām sarva dharmānām ādy anutpannatvāt!

НЕОБХОДИМАЯ МАТЕРИЯ: СУБСТАНЦИЯ СНА

*Мы созданы из вещества того же, что наши сны.
И сном окружена вся наша маленькая жизнь.*

Уильям Шекспир, «Буря».

Обратим наше собирающее внимание на то место в «Тимее» Платона, в котором описан гносеологический аспект проблемы материи:

[В-третьих, есть еще один род, а именно пространство (χώρα): оно вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему роду, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно.

Мы видим его как бы в грезах и утверждаем, будто всякому бытию непременно должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует. Эти и родственные им понятия мы в сонном забытьи переносим и на непричастную сну природу истинного бытия, а пробудившись, оказываемся не в силах сделать разграничение и молвить истину, а именно что, поскольку образ не в себе самом носит причину собственного рождения, но неизменно являет собою призрак чего-то иного, ему и должно родиться внутри чего-то иного, как бы прилипнуть к сущности, или вообще не быть ничем.]

Незаконное умозаключение (λογισμός νόθος — буквально — «ублюдочное, незаконнорожденное умозаключение») — это бастардный смысл, рождённый вне алхимического брака между эйдосом и материей. Кто же рождает этот смысл? Ведь нет другого Отца, кроме эйдоса, и нет другой Матери, кроме материи.

Они и рождают. Но незаконно — по греховному прелюбодеянию. Что это значит? Если говорить в терминах герметизма, то это — не что иное, как описание странных, пугающих, психопатологических миров чёрной магии. Материя хищно при-

тягивает, захватывает небесные смыслы, соблазняет их своим активным зеркалом, вынашивает их в своей утробе и рождает приапических монстров от этой незаконной связи. Это мир Афродиты Пандемос и Эроса-даймона — ублюдка-полукровки — полубога, полусмертного.

На уровне непосредственного переживания — это... строго говоря, нет в мирах чёрной магнезии непосредственного переживания, поскольку переживать можно лишь состояния причастные жизни. А погруженность в чёрную магнезию не есть жизнь в полном смысле этого слова. Но это и не смерть как исчезновение-ничто. Это беспросветное барахтанье в шизофренических одержимостях недоэйдосами, в жёстких, навязанных псевдословных состояниях.

Ведь надо помнить, что мы имеем дело с платонизмом. В этой традиции степень полноты жизни возрастает по мере вхождения в верхние миры — туда, где Мировая Душа, и где ещё выше свет Ума-Нуса. А внизу в полумраке копошатся незаконнорожденные дети Геи — титанические ублюдки, входящие в инцестуальные связи со своей грозной мамашей — она рождает от них совсем уже безобразных чудовищ. Горе тому, кто попал в эти кошмарные сновидческие миры.

Я упомянул жёсткость чёрной магнезии. Это и есть та самая необходимость-ананке, о которой толкует платоновский Тимей в одноименном диалоге. Необходимость материи — это то, что нельзя обойти. Все три рода сущего — идея, вещь и хора — со-вечны друг другу. Материя не создавалась, по Платону, она была всегда.

Материя есть с необходимостью. Это условие мыслимости даже Единого. И уж тем более, нижняя хора — род тяжело давящий своей навязчивой естностью. В этом и состоит нежелательность для платоника миров хоры. Они сковывают дух человека обманом чувств, своей псевдосамоочевидностью. Дело вовсе не в том, что мир реальных вещей якобы всего лишь иллюзия.

Мир реален, с этим всё нормально. Дело, полагаю, именно в этих незаконнорожденных умозаключениях. Давят на человека вовсе не вещи, данные нам в эстетисе (αἰσθησις — восприятие органами чувств), а что-то другое. Давят какие-то эйдосы! Но это не идеи-эйдосы Ума (они-то как раз, по Платону, суть чистый свет, радость и свобода); дают и соблазняют эйдолы (εἰδωλον) — призрачные смысловые мороки, потерявшие всякую связь со своей небесной лёгкой отчиной. Эйдолы-идолы — наваждения чёрной магнезии — онейрические ублюдки хоры.

Но демиург «Тимея» борется с этой необходимостью и побеждает её убеждением. Отныне идея и необходимость — два равноправных принципа (вспомним, для сравнения, суд на Ареопаге в «Орестее» Эсхилла). Светлые олимпийские боги принимают в свою семью старых матриархальных богинь.

Клиника шизофрении даёт богатый материал для иллюстрации всего вышеописанного, и, надеюсь, наоборот, платоновская диалектика идеи и материи проясняет нечто важное в этиологии этой «священной коровы» клинической психиатрии.

Ведь в стресс-диатезной модели шизофрении социально-смысловой фактор играет не менее важную роль, чем фактор генетический. Зачарованность чёрной магнезией может довести человека буквально до сумасшествия. Сойти с узкой тропинки ума-нуса — значит провалиться в inferнальное болото безумия, туда, где Ума уже нет, а есть лишь одержимость кикиморами навязчивых галлюцинаций и тяжёлым психотическим бредом.

Несчастный попадает в плен непровержимых в себе состояний: деперсонализации, дереализации, прочей жуткой клинической симптоматики. Одержимость, в данном случае, — не метафора. Человека буквально нечто держит, удерживает некая «необходимость» в отдалённости от свободы подлинного смысла.

Чтобы понять платоновскую триединую диалектику идеи, материи и вещи советуем попробовать помыслить эту структуру как-бы снизу, от человека. Во всяком случае, это бесполезно — поверять любые абстрактные схемы своим Присутствием. В такой позиции восприятия становится возможным понимание: это сам человек творит мир.

Человек собирает мир в своём восприятии посредством хищного внимания. Человек стягивает разрозненные впечатления в осмысленное целое средствами апперцепции. Перцепция опосредована апперцепцией. Вот откуда берётся единство мира. Это мы навязываем миру тождественность. Кант считал такое непременно условие познания врождённым — априорно данной трансцендентальной апперцепцией.

Жак Лакан считал собранность нашего восприятия формирующейся постепенно — от «стадии груди» до эдипальной стадии «Имени Отца». Впрочем, генезис нашего Символического — тема отдельная, оставим её пока в стороне.

С тем, чтобы вся эта аптека стала понятной, я «опокину» рассказ Платона в «Тимее» о сотворении мира на антропологию: Демиург Платона — это сам человек. Это мы из предзаданной, «вечной» материи средствами внимания и «вечно» существующих эйдосов-морфэ (проще говоря, предрассудков) оформляем мир. Мы воображаем мир и создаём его в труде, как и положено демиургу-ремесленнику.

Следует сказать несколько слов о продуктивном воображении. Активное воображение (φαντασία — та самая неоплатоническая фантазия) — могущественная магическая сила, создающая миры. Это вовсе не значит, что нет реального мира вне сознания. Мир существует, конечно. Но в чистом восприятии

он превратился бы в хаотическое месиво, в первобытное Тоху-ва-Боху, в кастанедовский нагуаль. Мы буквально во-ображаем безобразную материю, делаем её образной, определённой, оформленной, наделяем её единством образа, и, наоборот, образ отделяем взглядом в представлении (постоянно производя операцию удваивания), тем самым, делая образ материальным, сиречь отчужденным.

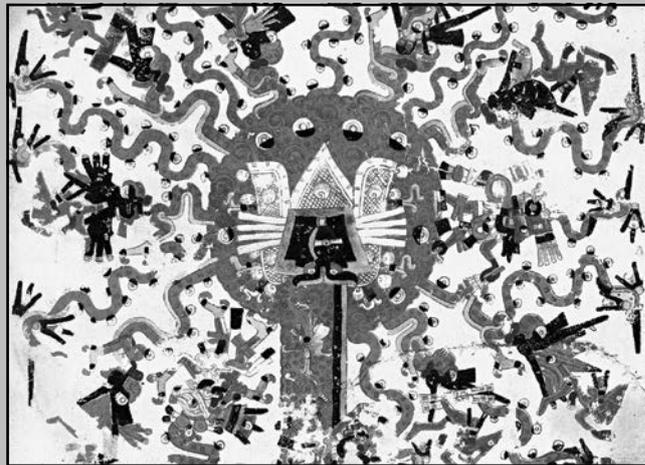
И когда мы, подчиняясь похоти очей, желаем обладать вновь созданной нами же вещью, мы тем самым, провоцируем механизм нехватки, сиречь хищность хоры. И важнейший момент, контрапунктный, от Реальности: мы не просто так, с бухты-барахты, создаём мир. Есть род «совечный» нам. Материя совечна идее. Материя питается нашим вниманием и его плодами. Так она создаёт себя — нами. Мы её Фаллос — волшебная палочка колдуньи. Материя — это всегда Иное. Так кто кому снится?

Мать Шакти и её грозная ипостась Кали, являющиеся активным, бытийным аспектом Шивы Чандрапала, достойны, конечно, упоминания в очевидной смысловой связи с эллинской матерью-хорой. Но такая компаративистика, боюсь, подведёт мой краткий очерк совсем уж близко к опасной грани безвкусных, эклектичных обобщений, что так любят обскуранты-эзотерики всех мастей. Ясно одно. Интуиции эти древние, похоже, общие многим народам Ойкумены.

Вслед за Делёзом и Гваттари можно было бы сказать, что дискурс платонизма параноичен. Демиург — это параноик с суженным восприятием, маниакально навязывающий единство миру различий. А агент чёрной магнезии — это шизофреник, тонущий в болоте схизиса, среди онейрического «топьяка» разъединённых и навязчиво присутствующих обломков смысла. Разница между параноиком и реальным шизофреником (а не тем симпатичным хаоситом, что описан в «Анти-Эдипе») проста до смеха: параноик одержим одной идеей, шизофреник сразу несколькими.

Так можно было бы сказать, если бы не одно «но». Материя материи рознь. В платонизме есть ещё Афродита Урания, её сын Эрот, на этот раз законный бог, и умная материя. Но об этом в другой раз.

© Ракушечная Свобода

ВАМПИР ДРУЗЕЙ

— А всё же, с какой целью был создан этот мир? — спросил Кандид.
— Чтобы постоянно бесить нас, — отвечал Мартен.
Вольтер, «Кандид, или оптимизм»

*I will not go
Prefer a feast of Friends
To the Giant family.*
Д.Д.Моррисон, «Американская молитва»

Субстанция Спинозы — Великий Вампир. Это простой и неизбежный вывод из пантеистического монизма, поскольку больше некому пить кровь народную. Все причинные связи с необходимостью ведут к одному и тому же Богу. Но Бог пантеизма неотличим от мира, он — субстанция, гипокейменон. Посему мировая фабрика страдания есть всего-навсего метаболизм божественного организма, причиняющего болью своё целое своим частям. Свобода есть осознанная необходимость. Любые изменения заранее предопределены — они суть лишь апгрейды садистической игры-лилы. Иллюзии — просто опосредования единораздельной божественной фабрики грёз.

Эмпусион (Вампир Друзей) — логическое продолжение спинозизма у Гегеля. Введи субъекта, как порождение субстанции, и диктаторская власть в революционной демократии получит своё философское обоснование.

Но можно попробовать вырвать спинозизм из монистической обусловленности. Как добиться мокши субстанции? Пока не представляю себе, как это возможно логически, памятуя о железной логике геометрического метода спинозовской «Этики». Ну да и Энлиль Маратович с ней, с логикой. Потом разберёмся, в дискурсе победителя, постфактум свяжем концы с концами истории в новой «Науке логики».

Пока же стоит попробовать понять Спинозу, как философа пост-событийного. Что-то должно произойти, чтобы субстанция возрадовалась своими аффектами. Жизнь не предзадана, предзадана вампирическая Всякая Хуйня™. Чтобы жизнь забила ключом, должно произойти её рождение. Второе рождение. Вся сложность (прежде всего, сложность непосредственного опыта) состоит в том, чтобы понять, откуда бьёт этот ключ. Из будущего или из прошлого? Если из наката грядущего, то мы — объект инвестиций сверхсущего Бога. Сами же мы всего лишь големы, живущие одолженной жизнью. Если из прошлого, то мы изначально — шестерни вечной фабри-

ки по производству страдания.

Но когда во втором рождении горы становятся горами, а реки реками, абсолютно неважно, что было до События. Всякая Хуйня была — горы были горами, а реки реками. Память лжёт, она конвейер детерминизма. Но анамнесис может стать колодцем нигредо, психоаналитической возможностью предстать перед набегом чубатого Кайроса — возможностью осуществить революционное Повторение.

Но это только возможность. Человеку не можно создать Событие. На то оно и Событие, что приходит как грядущее, врывается в накате извне. Поэтому глубокий сон без сновидений — ничто — предел, разделяющий смертельное утомление ветхого дня от невозможного нового утра. Но сна без сновидений феноменологически и нет. Нет ничто, нет активной Негации. Есть только внезапность события Нового.

Когда Событие происходит, человек феноменологически рождается заново и начинает жить заново. Исток такой жизни в самом Событии, которое в миг Встречи было впереди, в накате бытия. Но когда Событие сбылось, и родилась новая доселе неслыханная и невиданная жизнь, зоя потекла беспечной рекой из источника, который отныне всегда позади в прошлом миге Встречи.

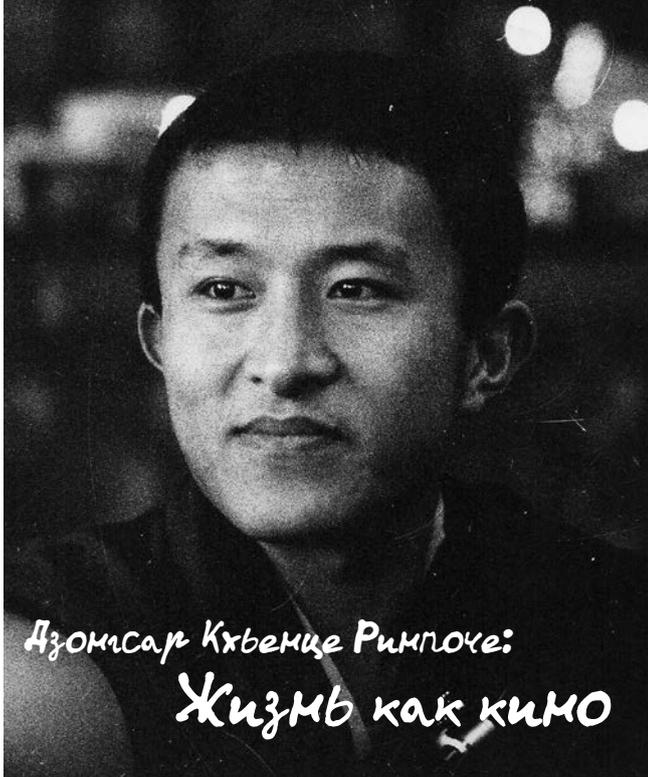
И между этими моментами нет опосредования. Это невозможный скачок, снимающий первоначальную проблему источника. Субстанция в этот, и только в этот миг, буквально становится *causa sui* — божественным телом мультитюда, ставшего эклессией на агоре. И теперь уже неважно происхождение этой жизни.

Такая жизнь «здесь-и-сейчас» пропитана событием, отныне она и есть событие жизни и жизнь события. Отныне красота впереди меня, красота позади меня, красота вокруг меня.

Я веду речь о другой истории. Совсем другой истории.

© Ракушечная Свобода

Просто представьте, что мы были рождены в кинотеатре.

Мы не знаем о том, что происходящее перед нашими глазами — это только кинопоказ. Мы не знаем, что это только фильм, что это только кино и что события в фильме ненастоящие, что в действительности их не существует. Всё, что мы видим на этом экране — любовь, ненависть, насилие, что-то тревожное, что-то захватывающее — это фактически результат воздействия света на киноплёнку. Но никто никогда не говорил этого, так что мы сидим здесь и смотрим, сосредоточив всё своё внимание на фильме.

Если кто-то пытается привлечь наше внимание, мы говорим: «Заткнись!». Даже если нам нужно сделать что-то важное, мы не хотим этим заниматься. Мы полностью поглощены фильмом и не видим того, что эта картинка — полная пустышка.

Сейчас представьте, что находится кто-то, сидящий рядом с вами, кто говорит: «Смотри, это только фильм. Это ненастоящее. Это только картинка». У нас появляется шанс осознать, что видимое нами — это всего лишь фильм, что он ненастоящий и он не существует. Это не значит, что автоматически мы должны подняться и покинуть кинотеатр. Мы не обязаны этого делать.

Мы можем просто расслабиться и просто наблюдать за любовными историями, криминальным триллером или чем-то ещё. Мы можем переживать на себе их энергию. И если у нас есть твёрдая убежденность в том, что это только картинка, тогда мы можем отмотать назад, поставить на быстрое воспроизведение или, по своему желанию, ещё раз поставить фильм, чтобы посмотреть его снова.

Если мы уверены в том, что можем уйти в любой момент, как только захотим, у нас может не возникнуть чувства, что мы обязаны это сделать. Мы можем выбрать устроиться поудобнее и смотреть.

Иногда определённый эпизод может переполнить нас чувствами. Трагический момент может задеть нас за живое и мы можем увлечься. Но тогда что-то в нашем сердце говорит нам — это всё ненастоящее, это не имеет большого значения. Это то, что должен понять практикующий дхарму — что и вся сансара, и нирвана — всё это также не имеет сущности, такое же ненастоящее, как этот фильм.

Пока мы этого не увидим, Дхарме будет очень трудно проникнуть в наши умы.

Мы всегда будем увлекаться, нас будет сбивать величие и красота этого мира, успехи и неудачи. Как бы то ни было, если мы увидим, хотя бы на секунду, что все эти явления ненастоящие, мы обретём твёрдую убежденность.

Это не значит, что нам обязательно рвануть в Непал или Индию и стать там монахом или монахиней. Мы можем продолжать работать, носить деловой костюм и каждый день с портфелем

в руках ходить в свой офис. Мы можем продолжать влюбляться, подносить нашей возлюбленной цветы, обмениваться кольцами.

Но где-то внутри есть что-то такое, говорящее нам, что **всё это не имеет собственной сути**.

Очень важно иметь подобное мимолётное осознание. Если за всю нашу такую осознание пришло к нам только раз, то весь остаток жизни мы можем быть счастливы просто вспоминая о нём.

Итак, возможно, кто-то шепчет нам: «Эй! Это только фильм», но мы не слышим его, потому что мы слишком увлечены. Возможно, в этот самый момент в фильме происходит крупная автомобильная катастрофа, или из-за громкой музыки мы просто не слышим этого послания.

Или, возможно, мы слышим это послание, но наше эго неверно его понимает, так что мы остаёмся в неведении и считаем, что в конечном итоге в фильме есть что-то истинное и реальное.

Почему это происходит? Потому что нам не достаёт заслуг — суммарного импульса наших благих действий. Заслуги невероятно важны. Конечно, мудрость или праджня, она важна. Сострадание или каруна — это важно. Но заслуги превыше всего. В отсутствии заслуг мы подобны невежде, неотёсанному нищему, который выиграл в многомиллионной лотерее, но не знает что делать с деньгами и тотчас же их теряет. Но представьте, что у нас есть немного заслуг и мы действительно получили послание от человека, который шептал нам. Тогда, как у буддистов, у нас есть несколько возможностей.

С точки зрения буддизма Тхеравады, мы поднимаемся и уходим из кинозала или просто закрываем глаза, так, чтобы не увлекаться фильмом. Таким образом мы прекращаем наши страдания.

На уровне Махаяны, мы уменьшаем страдания посредством понимания того, что фильм ненастоящий, что он всего лишь картинка и пустышка. Мы не перестаём смотреть фильм, но мы видим, что он не имеет внутренней сущности. Больше того, мы задумываемся о других, кто сидит в кинотеатре.

В конечном итоге, в Ваджраяне мы знаем, что это — всего лишь кино, мы не обманываемся, а просто наслаждаемся шоу. Чем больше эмоций вызывает у нас фильм, тем глубже мы осознаём красоту постановки.

Мы делимся своими переживаниями с теми, кто смотрит вместе с нами, с теми, кто по нашему мнению также может оценить увиденное нами. Но, чтобы применять это в реальной жизни, нам нужны заслуги.

В буддизме Тхеравады человек накапливает заслуги посредством отречения. Мы видим, что кино делает нас страдающими и у нас появляется желание перестать его смотреть.

В Махаяне мы накапливаем заслуги посредством сострадания. Мы сохраняем большой и открытый ум, который больше думает о страданиях других.

С другой стороны, подобное преобразование — от того, чтобы быть полностью поглощённым фильмом к видению пустотности событий, происходящих в нём, к тому, чтобы заботиться только о счастье других, может занять очень, очень много времени.

Именно поэтому мы в Ваджраяне перемещаемся на выделенную полосу — накапливаем заслуги посредством почтения. Мы верим человеку, который шепчет нам и который обрёл понимание, сделавшее его свободным. Мы не только усваиваем информацию, которую он передаёт нам, но и высоко ценим его свободу ума и глубину его бытия. Мы знаем, что тоже обладаем потенциалом для подобного освобождения и от этого мы ценим его ещё больше.

Одно мгновение подобного почтения, доля секунды, маленькая крупинка подобного почтения имеет огромную заслугу. Если мы находимся на одной волне с человеком, который шепчет нам, он может помочь нам отыскать истинного внутреннего киномана.

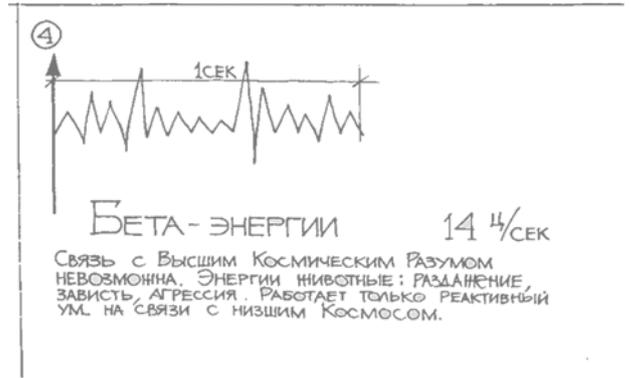
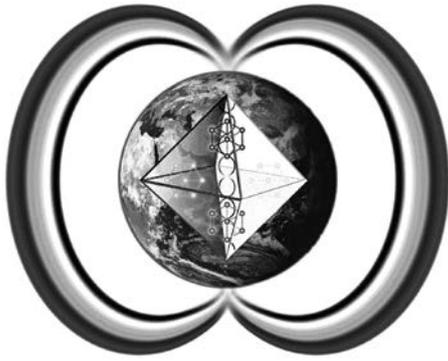
Он может показать нам насколько увлечены остальные зрители и насколько эта увлечённость необязательна.

Итак, без необходимости полагаться на наши беспорядочные попытки понять путь, этот человек даёт нам понимание того, чем является видимое нами.

Затем мы становимся теми, кто сидит откинувшись и наслаждается представлением. И, возможно — мы также будем шептать кому-то другому.

© Дзонсар Кхьенце Ринпоче, текст
© Nuke, перевод

ШИЗОТЕРИКА КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОПУХОЛЬ

На одном из посещенных в прошлом фестивалей «Систо» я и мои друзья столкнулись с занятным явлением. Называется оно Планетарная Сеть Искусств. Мне сначала анонсировали это как «лекции о майянской системе календаря», сопровождаемые некими практиками. Оказалось всё круче. Выглядит это следующим образом.

Довольно приятный молодой человек очень увлечённо, в режиме практически монолога, излагает некую систему, основанную на календаре Майя. Но помимо календаря там столько всего понамешано... Торсионные поля, энергетические пояса, какие-то очень сложные диаграммы (где запросто соседствуют, например, поперечный разрез пирамиды майя и некий «Щит Галактической Конфедерации»). Григорианский календарь — это вирус, вброшенный враждебной цивилизацией во время космических боевых действий. Человечество спасётся, только если перейдёт на календарь Майя (чтобы время шло по спирали, а не по кругу), и ещё избавит организм от червей-паразитов. Пирамиды майя, египтян, и прочие (которые есть и под землёй, и на дне океана, и подо льдом) — это выходы волноводов, образующих огромную нейронную сеть организма-Земли. Плюс неизбежная нумерология (в стиле «двенадцать важное число, оно делится на два, три, четыре и шесть, а тройка, например, важна, потому что объединяет противоположности-двойки, и это всё связано

с плюсом и минусом, с электромагнитным полем, значит»).

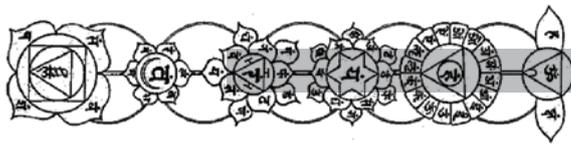
Ну вот, навскидку, цитата с их сайта: Закон Времени — открытие, сделанное в последние десять лет. Ключ к открытию заключается в том, что время есть частота. Естественная временная частота выражена соотношением 13:20. Вся Вселенная управляется этим соотношением, которое устанавливает Синхронный или четырёхмерный Порядок реальности. Комбинация Григорианского Календаря и механических часов создала искусственную временную частоту 12:60. Именно эта неосознанная частота, гонит современную цивилизацию ускоренным темпом, что приводит к ухудшению состояния окружающей среды.

Короче говоря, вживую это всё больше всего напоминало курёхинские телеги про бром и хром, Ленина-гриба и жидкий кобальт Шварца, только совершенно всерьёз.

Я послушал, поизучал диаграммы, поспоставлял. Мне в голову в итоге пришло такое словосочетание — «семантическая опухоль». По-моему, оно довольно удачно характеризует и эту, и прочие подобные «системы».

Мне кажется, процесс тут идёт таким образом. У человека (в одиночку или с группой единомышленников) постепенно выстраивается некая символическая система, вроде бы «объясняющая» очень многое (иногда и «вообще всё»). Эта система, с одной стороны, очень сложная: там много неологизмов, хи-

трех терминов, отсылающих и к науке, и к эзотерике, куча диаграмм, таблиц соответствий, аспектов, и так далее. При всём при этом система, с другой стороны, удивительно примитивная.

Попробую сравнить её с другим примером символической системы — с математикой. Содержание математики — это структура, которая организована как лестница абстракций — есть понятия более низкого уровня, есть более абстрактные. А «шизотерические» системы — одноуровневые. Там введена куча «сущностей», они все как-то хитро взаимодействуют, но семантически остаются понятиями одного уровня. И неважно, что идут разговоры о всяких разных «планах бытия», и т.п. — всё равно с «галактическим организмом» можно «выйти на контакт» так же, как с соседом по улице, надо только знать «код доступа» или что там у них. (Представьте, что математик «прибавлял» бы число 5 к множеству натуральных чисел в том же смысле, в каком он число 5 прибавляет к числу 7).

Ещё одна существенная черта таких систем — ассоциативный принцип организации. То есть понятия из одной области свободно переносятся в другую исключительно на основе ассоциаций, которые возникают, когда это понятие слышится, а вовсе не по принципу структурного сходства. Типичный пример — взять понятия «положительного» и «отрицательного» электрических зарядов, и на основе ассоциаций с «позитивным» и «негативным» эмоциональным состоянием выстроить какую-то «объяснительную схему». Типа такой: «избыток положительных ионов в организме способствует хорошему самочувствию, а избыток отрицательных приводит к подавленности».

Научное объяснение можно охарактеризовать как вывод сложного многообразия фактов и явлений из простой схемы. У Грегори Бейтсона было блестящее определение: «объяснение есть отображение частей описания на тавтологию». То есть наблюдаемую структуру фактов учёный сопоставляет с логической (тавтологической) структурой — и получает объяснение. Таким образом, объяснение способствует уменьшению числа независимых «сущностей», нужных для понимания.

Системы же, о которых я сейчас говорю — это нечто совершенно иное. Они предлагают набор ассоциаций «фэнтэзийного» толка, и ощущение понимания возникает исключительно потому, что сложные явления ассоциируются с простыми и знакомыми картинками «борьбы хороших с плохими», «иерархий», «причинно-следственных связей» и т.п. То есть, по сути, это результат попытки приспособить привычные и довольно при-

митивные схемы восприятия к пониманию явлений другой природы. Популярнейшая в шизотерике метафора «энергии», «энергетики» — самый яркий пример, на втором месте, пожалуй, вульгарное понимание термина «поле».

Если мне не изменяет память, «Роза Мира» Андреева, со всеми её уицраорами и двумерными преисподними — тоже подходящий пример такого явления. То, во что превратилась хаббардовская сайентология — тоже. Да и Тимоти Лири со своими пресловутыми «фиолетовыми дыромирами», по-моему, прошёл на волосок от подобного состояния.

Доходит до смешного. Человек на полном серьёзе считает сменой парадигмы переход от григорианского календаря к майянскому. Примерно как считать, будто переход с десятичной системы на двенадцатеричную существенно изменит математику. Если уж на то пошло, то сменой парадигмы был бы переход к мультикалендарной системе, например.

Но для такого вывода нужно подняться на шаг выше по лестнице абстракций — а это, увы, не выходит.

Такая система символов и ассоциаций со временем всё больше растёт, только, в отличие от, допустим, математики, она растёт не «вглубь», обнаруживая более абстрактные и глубокие закономерности, а растёт «вширь» и «внутри», заполняя всё, но оставаясь такой же плоской.

Со временем она приспособливается для «объяснения» (на деле — автоматического ассоциирования) чего угодно. Человек видит весь мир сквозь призму своей системы.

Знакомство с определённой частью научного знания (особенно в популярной форме) обычно только усугубляет дело.

А в крайнем случае получается то, что обычно называют красивыми терминами «систематизированный бред», «параноидальная шизофрения» и т.п. Поэтому я и назвал это «семантической опухолью» — ячейки системы множатся, как клетки раковой опухоли, не сдерживаемые уже ничем, забирая на себя все ресурсы (всё внимание) организма.

Бороться с этим процессом с помощью критики, попытки опровергнуть факты, привести контраргументы, бесполезно — против семантической опухоли поможет, пожалуй, скальпель Оккама или какаянибудь подобная техника. Но с такими инструментами мало кто умеет грамотно обращаться.

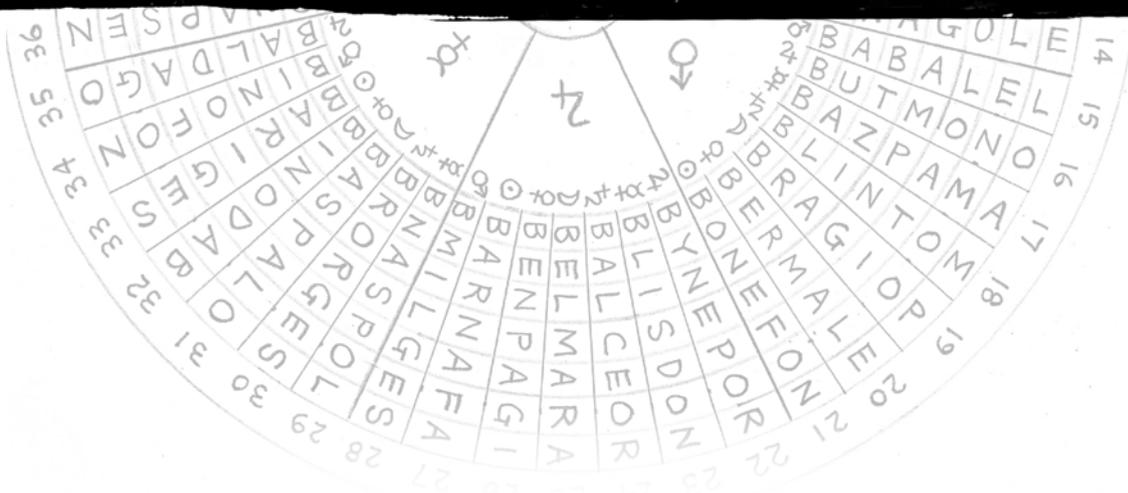
© Ram Ibsorath

Тело Китово
Енохианский
Апокалипсис

b	bbb	b
9Q	ii	
17	B	
89		
F	17	b
B	B	B
4	B38	B
o	L o	B
p	B·q	8
30	q·29	
ff	b	bbb
F	3Q	9Q
M	M	d
6	b	b·89
20	F	17
f	6	B
9	16	P
2	4	
B	B·o	L
o	p	B
22	d	30
q		
ff	b	b
9	F	3Q
9		
M	M	d
6	b	b·89
2	A	B
3	B	B
5		
6	b	b
6	b·89	
1	A	B
1	B	B
1		
1	M	M
1	d	B
1	A	B
1	B	B
1		
1	M	M
1	d	B
1	A	B

**Подпункт из Liber Caeruleus («Синяя Книга»)
Енохианский Апокалипсис
автор Дональд Тайсон
[из журнала «Гнозис», лето 1996]
Перевод Ichhantik**

Были ли магические «Енохианские Ключи» Джона Ди предназначены для того, чтобы выплеснуть яростные оккультные силы, которые бы швырнули нас в новую эру?

Между 1582 и 1589 годами герметист Джон Ди (1527-1608) произвёл серию ритуальных коммуникаций с группой бесплотных существ, ставших известными как Енохианские ангелы. Планом Ди было использовать сложную магическую систему, переданную ему ангелами, чтобы помочь экспансионистским устремлениям своей владычицы, королевы Елизаветы. В то время над Англией висела мрачная тень возможного испанского вторжения. Ди надеялся управлять враждебными силами Европы, овладев духами-хранителями различных наций.

Ди был в высшей степени примечательной персоной. Будучи не только умелым математиком, астрономом и картографом, он также являлся личным астрологом, советником, и, как полагают некоторые, личным тайным агентом королевы Елизаветы. ⁽¹⁾ Отец его был стольничьим (вроде мажордома) при столе Генри Восьмого. При восхождении на трон Елизаветы в 1558, она попросила Ди рассчитать благоприятную дату для коронации. Вовсе преданный протестантке Елизавете, до того он был лживо обвинен в попытке волшебства с целью убийства её предшественницы, католички королевы Марии. По всей Европе он был знаменит (и проклиняем) за свою высочайшую учёность и магические умения.

Равно необычный персонаж, Эдвард Келлей (также читается как «Келли»; 1555-1597), сын уорчестерского аптекаря, мечтавший о раскрытии секрета философского камня и запятанный чёрными практиками некромантии, помогал ему в оккультных изысканиях. Сбежав из Ланкастера в 1580 из-за обвинений в подделке ценных бумаг, Келлей счёл разумным отправиться на пешую экскурсию в Уэльс. Как говорят, где-то близ Гластонбери он приобрёл немного мифического красного порошка, с помощью которого благородные металлы можно было превращать в золото; порошок он получил от кабатчика, которому его принесли грабители могил. ⁽²⁾

Всю свою оставшуюся жизнь Келлей работал над раскрытием тайны красного порошка, желая сам производить его. Необходимо для этого алхимические знания он в 1582 пытался найти в библиотеке Джона Ди, и в первую очередь из-за этого он согласился стать для Ди медиумом.

Ди был святым, а Келлей разбойником, и вместе их связала тяга к церемониальной магии и чудесам, которые она обещала. У Ди не было таланта к тому, чтобы стать медиумом. Он пытался преодолеть это ограничение, наняв гадателем шарлатана по

имени Варнава Савл, но безуспешно. Узнав о явных психических способностях Келлея, Ди охотно нанял его в качестве медиума за сумму в 50 фунтов ежегодно.

Используя молитвы и некоторые магические печати, Ди призывал Енохианских ангелов принять зримый облик в волшебном шаре или чёрном обсидиановом зеркале. Когда Келлей сообщал Ди о присутствии духов, Ди задавал им вопросы. Келлей же передавал их слова и действия Ди, который записывал их в свои магические дневники.

Важнейшая часть записей Ди, касающихся Енохианских посланий, сделанных в 1582-1587 годах, была опубликована в Лондоне в 1659 году Мериком Касаубоном, озаглавленная «Истинное и верное сообщение о том, что происходило многие годы между доктором Джоном Ди... и некими Духами». Эта изумительная работа переиздавалась несколько раз за последние десятилетия и вполне доступна.

Енохианские духи получили своё имя по описываемой ими магической системе. Как они утверждали, эта была та самая магия, которую библейский патриарх Енох выучил у ангелов небесных. Ангел Аве сказал Ди: «Ибо стало ныне Богу угодно вернуть сие Учение обратно из забвения: чтобы исполнить обет его тебе, ради книг Еноха». ⁽³⁾ Все остальные виды магии были игрушками в сравнении с этой.

Хотя Ди ревностно записывал все детали Енохианской магии в своих дневниках, он никогда не пытался всерьёз заниматься этой системой. Почему — мы не можем знать достоверно. В 1589 он порвал с Келлеем, который остался в Богемии, пытаясь создать золото для императора Священной Римской Империи Рудольфа Второго, и вернулся в Англию по просьбе Елизаветы; это могло быть обстоятельством, нарушившим его планы. Я же, однако, уверен, что Ди ждал от ангелов разрешения применить эту магию, и в течение его жизни такое разрешение ему дано не было.

Для тех, кто незнаком с Енохианской магией, необходимо сразу и недвусмысленно уточнить, что ни Ди, ни Келлей не подделывали эти разговоры с духами. Оба они не сомневались в реальности ангелов, хотя их мнение различалось относительно мотивов этих существ. Ди считал их послушными Божиими слугами, подчиненными власти Христовой. Келлей же им не доверял и подозревал их в сознательном обмане. Неприязнь эта была взаимной. Ангелы всегда относились к Келлею с изумленным презрением. Келлей надеялся что ангелы передадут секрет красного порошка, и потому только долгие годы терпел их оскорбления.

Здесь не место углубляться в вопрос о природе и объективной реальности духов, и, равно, сомнительно что можно прийти к соглашению по этому сложному предмету. Какой бы не была их истинная природа, Енохианские ангелы вели себя как независимые, разумные существа, обладающие собственными личностями и целями. Так к ним относились Ди и Келлей, и так же я буду

относиться к ним в этом эссе. Используя такое предположение, я покажу, что я считаю тайными замыслами ангелов, скрытыми ими от Ди: привести человечество к ритуальным трудам, которыми начнётся период яростных преобразований на границе между нынешним эоном и следующим, действиям, широко известным как Апокалипсис.

ВРАТА И КЛЮЧИ

То, что Енохианские ангелы передали Ди, было не просто действенной формой магии для управления духами-хранителями народов. Это была формула инициации, созданная для того, чтобы открыть закрытые врата четырёх великих башен, что удерживают хаос на краях нашей Вселенной. Эти Башни описаны ангелом Аве:

«Четыре дома есть четыре Ангела Земных, кои есть четыре Хранителя и Башни, что предвечный Господь в провидении своём поместил противу богохульства, злоупотребления и козней великого и злобного врага, Дьявола. Дабы существо это было помещено на Землю, чтобы воля его завистливая была обуздана, а Божьи предназначения исполнены, и чтобы творения его остались и сохранились, во должных пределах и сообразно мере порядка»⁽⁴⁾

Эти Сторожевые Башни, представляемые в Енохианской магии алфавитными квадратами, соответствуют четырём мистическим колоннам древнеегипетской мифологии, поддерживающим небо, не давая ему рухнуть на землю. Они не дают ведомым Хоронзоном легионам хаоса пройти по лику мира. Ангелы поведали что Хоронзон есть истинное небесное имя Сатаны⁽⁵⁾. Также он известен под енохианским титулом Смерть-Дракон или Он, Тот Кто Пал (Телоквовим)⁽⁶⁾.

Енохианские Призывы или Ключи (ангелы называют их и так, и так) — это 48 духовных эвокаций, переданных Ди и Келлею на енохианском языке и потом переведенных ангелами на английский слово за словом. Официально, то есть по заявлению ангелов, ключи были предназначены для того, чтобы Ди мог осуществлять ритуалы связи с духами 30 Эфиров, или Воздухов, которые правят духами-хранителями всех народов мира. На самом деле, сказали ангелы, есть 49 Ключей, однако первый, по их словам, слишком свят и таинственен, чтобы быть передан. Первые восемнадцать ключей звучат совершенно по разному; последние 30 одинаковы, за исключением имён Эфиров, помещаемых в первой строке. Ангел Рафаил возвестил Ди явное предназначение ключей:

«В 49 голосах, или призывах: Естественных Ключей, которые откроются, не 49, а 48. (ибо Один не может быть открыт) Врата Понимания, посредством их будешь обладать знанием, чтобы раскрыть каждые Врата, и столькоих вызвать, сколько будет угодно тебе, или же сочтешь нужным, кои с охотою, правдиво и мудро, откроют тебе секреты своих Городов, и дадут тебе полное понимание [тайн] сокрытых в Скрижалях»⁽⁷⁾

Скрижалями названы 49 алфавитных таблиц, с помощью которых Енохианские ангелы получают ключи, по одной букве за раз. Наборы ключей относятся к четырём соответствующим Сторожевым Башням, в которых содержатся имена различных иерархий духов. Слепость Ди в отношении настоящего предназначения Ключей любопытна, поскольку подсказки о их природе очевидны для любого, у кого есть глаза, способные видеть. Енохианские Послания полны апокалиптических предсказаний и образов. Вновь и вновь ангелы предупреждают о грядущем разрушении мира гневом Божьим и явлении Антихриста. В самих Ключах также содержатся апокалиптические образы.

Само наименование этих эвокаций — вполне ясная подсказка. Если Сторожевые Башни стоят на страже четырёх углов нашего измерения реальности, удерживая орды Хоронзона, и не давая им обрушиться, подобно «пикирующим драконам», как сказано в Восьмом Ключе, и если эвокации, известные как Ключи, предназначены для того, чтобы открыть врата этих башен, вполне

очевидно следует предположить, что открывать эти врата — плохая идея.

Возможно, Ди верил, как заставили его поверить лживые ангелы, что врата эти можно чуть приоткрыть для каких-то человеческих целей, а затем захлопнуть прежде, чем в измерение, доступное нашему восприятию, прорвётся нечто слишком ужасное. Ди, возможно, предполагал, что избивание богини-Земли и её детей демонами Хоронзона не произойдёт прежде предвещённого времени апокалипсиса, события, предназначенного Богом и явно лежащего вне власти Ди.

Что он не понял, так это того, что день начала апокалипсиса является и днём успешного завершения ритуального труда 48 Ключей. Этот день не предопределён, однако будет определён свободной волей и действиями одного человеческого существа, которое святой Иоанн в своём Откровении назвал Антихристом.

ПРИРОДА АПОКАЛИПСИСА

В общем, всегда предполагается, что апокалипсис в руках ангелов гнева, которые придут в мир к удовлетворению Божьему, в миг, предопределённый с начала творения. В туманных посланиях Енохианских ангелов это не так. Врата Сторожевых Башен могут быть открыты лишь изнутри. Ангелы гнева не могут

сами начать апокалипсис, даже если бы они и хотели того. Это следует из разговора Ди и ангелом Аве:

«Ди — Форма нашего Прошения или Приглашения благих Ангелов, какого рода должна она быть? Аве — Краткой и ясной речью. Ди — Мы молим вас, чтобы вы дали пример: у нас будет уверенность, так будет полезнее. Аве — Я не могу сделать этого. Келлей — И почему? Аве — Инвокация происходит по доброй воле человека, а также жару и рвению ангельскому: и так молитва есть такое действие с Богом. Ди — Мы молим об ответе, должны ли мы использовать одну форму для всех? Аве — Для каждого, в различных видах. Ди — Если разум указывает и побуждает различные виды, имеешь ты в виду. Аве — Мне то неизвестно: ибо я не живу в душе человека.»⁽⁸⁾

Существа духовные должны быть вызваны в нашу реальность существами человеческими. Мы должны сами открыть врата и пригласить слуг Хоронзона. Эвокация и инвокация совершается не ангелами, это дело человека. Вот почему ангелы должны были прибегнуть к такой сложной уловке, как передача Енохианской магии Ди, вместе с Ключами и Великой Таблицей Сторожевых Башен. Если Апокалипсис произойдет, и человеческие существа должны сами открыть врата Сторожевых Башен для того, чтобы это случилось, ангелы сначала должны были передать людям верный метод открытия ворот.

Очевидно, что Ди не собирался открывать ворота Сторожевых Башен прежде, чем того пожелают ангелы. Ангел Гавриил, утверждающий, что говорит от лица Бога, сказал ему:

«Я избрал тебя, чтобы ты вошел в мои хлева: И приказал тебе открыть Зерно, чтобы рассеянные могли появиться, и чтобы то, что остаётся связанным, восстало. И вошел в первое, и так же в седьмое. И отдал тебе Слова моего грядущего духа. Ибо Хлева мои давно стоят без Молотильщиков. И цепи мои долгое время сокрыты в местах неизвестных: Такой цеп есть Учение, что я передаю тебе: То есть Орудие молотыбы, с коим ты избьешь снопы, чтобы Зерно, что рассеяно, и прочее всё стали одним.»

«(Но слово в скверную пору)»

«Если буду я Хозяином Хлезов, владельцем Зерна, и подателем цепя моего: Если будет всё моим (А что до тебя, тебе ничего: ибо вы есть наёмники, кому рай наградою)». «Тогда зри, что ты ни молотишь, ни распускаешь, доселе я скажу: ибо ты знаешь мой дом, и знаешь работу, к коей приставляю тебя: Что благоволю я тебе столь, что отдаю тебе

работников в Хлевах моих: Ибо никто не молотит в них без моего ведома»⁽⁹⁾

Трудно выразиться яснее. Во всех Енохианских посланиях ангелы выражаются об Апокалипсисе, как о «Жатве». И Енохианская магия здесь называется «Молотилом». Ди, однако, не осознавал огромной важности жребия, павшего на его плечи. В другом месте записей ангел Мансама столь же ясно выражается насчет того, что Ди должен ожидать позволения, прежде чем применять Ключи:

«Мансама — Призывы эти есть ключи ко Вратам и Градам мудрости. Кои [Врата] не открыть иначе, как с явственного разрешения. Ди — И как же придет оно? Мансама — В соответствии с прежними указаниями: и при получении, призвав каждую Таблицу, Ты призовешь мудрость, Бог откроет тебе суд свой: Он дал тебе ключи, и можешь ты войти; Но будь смирен. Не по предположению войди, а с позволения. Не входи поспешно; Но будь введен охотно: Ибо, многия поднялись, но редкия вошли. К воскресенью будут тебе даны все вещи, коим должен ты быть обучен, и тогда (при удобном случае) можешь ты заниматься в любое время. Но Бог зовет тебе, и к замыслу благому. Ди — Как же понять мне Зов Божий? Мансама — Бог затворил мои уста, и более я не отвечу тебе.»⁽¹⁰⁾

Несмотря на эти подсказки и многие другие, ангелы, на самом деле, никогда не говорили Ди открыто, что он должен стать орудием в ходе ритуальной формулы для начала Апокалипсиса посреди человечества. Так он и остался, тикая, как оккультная бомба с часовым механизмом, ожидая какого-нибудь умного мага, возможно, направляемого ангелами, который заставит её сработать. Она предназначалась другому веку и другому человеку. Этим человеком был Алистер Кроули (1875-1947).

ВСТРЕЧАЙТЕ ВЕЛИКОГО ЗВЕРЯ

Еще будучи ребенком, Кроули поверил в то, что он был тем Великим Зверем, что описан в библейском Откровении. Он изучал магию в Герметическом Ордене Золотой Зари, а затем создал свою собственную оккультную систему, обработав, кроме прочего, ритуалы Абрамелина, Гоетии и тантрических сексуальных практик германского *Ordo Templi Orientis*. Он твердо верил в то, что является глашатаем нового века борьбы и разрушения, которыми будет охвачен мир. Он назвал это Эоном Гора, по имени древнеегипетского бога войны. В 1904

году в Каире он получил библию этого апокалиптического периода, Liber AL (Книгу Закона), в виде медиумической диктовки своего ангела-хранителя, Айвасса. Книга говорит о некоторых особенностях грядущего Зона Гора. Кроме того, там содержится его знаменитое изречение «Твори Свою Волю – Вот Весь Закон».⁽¹¹⁾

Очень значимо то, что Кроули никогда не рассматривал себя в качестве Антихриста. Он не главный персонаж в трагедии Апокалипсиса, а герольд, который возвещает пришествие века хаоса. В очень буквальном смысле он был стражем врат апокалипсиса. Текст в «Книге Закона» ясно сообщает:

«Эта книга будет переведена на все языки, но всегда с оригинала, написанного рукою Зверя; поскольку в случайном почерке и расположении букв по отношению одной к другой заключены мистерии, неведомые и самому Зверю.

Пусть не пытается никто сделать это. — Но тот, кто глядет за ним, когда, я не скажу, откроет Ключ ко всему».⁽¹²⁾

Кроули занимался Енохианской магией чаще и изучал её глубже чем кто-либо другой из магов Золотой Зари, видимо, глубже, чем любой другой человек. Кроули пишет об общении Ди и Келлея с ангелами:

«Многое из их трудов по-прежнему не поддаётся истолкованию, хотя я и Фратер Семпер Папарус [Томас Уиндрэм], Главный Адепт А. А. (Серебряной Звезды) потратили немало времени и усилий, разобрав много неясных моментов».⁽¹³⁾

Записи Кроули о работе с Енохианскими Эфирами в 1909 году в пустынях Северной Африки сохранились в документе под названием «Видение и Голос». Он обладал глубокими и разносторонними познаниями в ритуальной магии, и разбирался не только в теоретической, но и практической её стороне. Ни один другой человек XX века не подходил лучше для того, чтобы начать Делание Апокалипсиса, как ни один человек XVI века не подходил лучше чем Ди, для того, чтобы получить его от Енохианских ан-

гелов. Что интересно, Кроули верил в то, что является реинкарнацией Эдварда Келлея.

Сомнительно, что Кроули преуспел в полном завершении Енохианского Делания Апокалипсиса — то есть первого тайного Ключа, который нигде не записан, восемнадцать явленных Ключей, и Ключей 30 Эфиров в их правильном соотношении с частями Великой Таблицы Сторожевых Башен. Но он мог преуспеть в том, чтобы частично открыть врата Башен. Его высказывание, касающееся африканского делания вместе с его учеником Виктором Нойбургом, очень важно: «Как правило, мы работали с одним Эфиром в день».⁽¹⁵⁾ Ангел Аве сказал Ди о методе пробуждения духов Башен:

«Четыре дня... должен ты взывать к именам Бога [из Большой Таблицы Сторожевых Башен], или Бога Воинств, этими именами:»

«И спустя 14 дней ты должен (в этом, или другом подходящем месте) Призывать Ангелов Мольбами и именем Бога, пока не увидишь, что они повинуются.»

«На 15 день ты должен Облачить себя в одеяния, сделанные из льна, белые: и так зри, используй и упражняйся с Созданиями. Ибо это дело не годов, и не многих дней».⁽¹⁶⁾

Мне очевидно, что полное Делание Апокалипсиса должно выполняться день за днём, один Ключ в день. Я бы предположил, что невыраженный первичный Ключ Великой Матери является недостающим ингредиентом, необходимым для завершения Делания, однако это вопрос практической магии и в этом кратком эссе нет возможности рассматривать подробности Делания Апокалипсиса.

До момента своей смерти в 1947 году Кроули оставался уверен, что Зон Гора начался в 1904, точно в то время, когда он получил «Книгу Закона». Быть может, он прав. Зон Гора — это время апокалипсиса, период, когда Хоронзон будет править космосом и уничтожит человечество. И апокалипсис есть тайное превращение, которое произойдёт, или происходит сейчас, в коллективном бессознательном человеческой расы.

МЕНТАЛЬНЫЙ АРМАГЕДДОН

Христианские фундаменталисты верят в то, что конец света будет полностью физическим событием и будет начат неким ужасным материальным событием — мировой ядерной войной, падением крупного астероида или смертоносной чумой.

Такие предположения берут своё начало в конкретных образах книги Откровения. Они придерживаются материалистического взгляда на мир, бытующего в современном обществе. Но никто не пытается рассмотреть возможность того, что разрушения, описанные ангелами — духовного свойства, как сами ангелы — духовные, а не физические, существа.

Апокалипсис, подготовленный Енохианскими ангелами, по моему представлению, в основном должен быть внутренним, духовным событием, и лишь во вторую очередь внешней физической катастрофой. Врата Сторожевых Башен, что хранят четыре угла нашего измерения — это ментальные конструкты. Когда они откроются, они выпустят демонов Хоронзона в наш подсознательный разум, а не в физический мир.

Духи умозрительны, а не материальны. Они обитают в глубине разума и общаются с нами через наши сны, бессознательные побуждения, и, реже, в виде видений. Они влияют на наши чувства глубже уровня сознания. Иногда они способны контролировать наши действия, частично, как в случае с иррациональными и обсессивными видами поведения, или полностью, в случае полной одержимости. Через нас, и только через нас, они способны влиять на физический мир.

Енохианские послания не только сообщают, что человечество должно организовать апокалипсис с помощью магической формулы, переданной Ди и Келлею, но, также, что люди должны быть физическими носителями чумы, войн и голода, явленных святому Иоанну в его леденящем красноречивом видении. Это мы выпустим демонов Хоронзона в наши разумы с помощью особых ритуалов. Они не сразу найдут там удобное место, однако прорвутся в бессознательное и постепенно обоснуются там. В умах тех личностей, кто будет сопротивляться их вторжению,

им трудно будет закрепиться, однако в более легковверных умах тех, кто приветствует их вторжение, они закрепятся с готовностью.

Когда демоны займут своё место, мы будем бессильны остановить смещение наших мыслей и действий на хаотические и разрушительные пути. Эти апокалиптические духи настроены человека против человека и нацию против нации, постепенно всё повышая градус безумия в человеческом обществе, пока наконец все ужасы Откровения не свершатся на сцене мира. Для того, чтобы разложение человеческих мыслей и чувств в полной мере принесло свои плоды, может потребоваться много поколений. Лишь после того как процесс осквернения и сожжения человеческих душ зайдёт действительно далеко, все ужасы апокалипсиса достигнут своего окончательного выражения в земных пределах.

Предположим, как пример, что сигналом к началу этого психического вторжения послужило получение Кроули «Книги Закона» в 1904-м, как он сам и считал. Проведённые Кроули Енохианские эвокации в 1909-м приоткрыли врата Сторожевых Башен, и гнойный ветер начал дуть через разум простых представителей человеческой расы. Это объяснит и бессмысленную бойню Первой Мировой и невыразимый ужас Холокоста во время Второй. Это объяснит упадок организованных религий и почему бездушный культ науки захватил власть. Это объяснит моральное и этическое банкротство современности и рост беспричинного насилия.

Возможно, осталось не так долго, прежде чем человек, представленный в видении Иоанна как Антихрист, то, кто в «Книге Закона» Кроули призван прийти за Зверем, успешно завершит Делание Апокалипсиса. Тогда врата Сторожевых Башен раскроются во всю ширь, и дети Кронозона ворвутся в наш разум как коронованные завоеватели. Если этот пугающий сценарий осуществится, войны двадцатого века покажутся буколическими тем, кто переживёт бойню.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Ричард Дикон, «Джон Ди: учёный, географ, астролог и тайный агент» (London: Frederick Muller, 1968). кр. см. Черри Гилкрист «Доктор Ди и Духи» в GNOSIS #36. 2. См. вступление к «Алхимическим Записям» Эдварда Келлея, ред. А.Э.Уэйте (New York: Samuel Weiser, 1970 [1893]). 3. Мерик Касаубон, ред., «Истинное и верное сообщение о том, что происходило многие годы между доктором Джоном Ди (Математиком во Вящую Славу Королевы Елизаветы и Короля Джеймса) и некими Духами» (Glasgow: Antonine Publishing Co., 1974 [16591]), стр. 174. 4. Там же, стр. 170. 5. Там же, стр. 92. 6. Там же, стр. 207. 7. Там же, стр. 77. 8. Там же, стр. 188. 9. Там же стр. 161. 10. Там же стр. 145-46. 11. Алистер Кроули «Книга Закона», стр. 10-11. 12. Там же, гл. 3, пункт 47. 13. Алистер Кроули «Исповедь Алистера Кроули», ред. Джон Симондс и Кеннет Грант (London: Arkana, 1989), стр. 611. 14. Алистер Кроули, «Liber XXX AERUM vel Saeculi sub figura CCCXVIII бытие Ангелов Тридцати Эфириов, Видение и Глас:» в The Equinox, том 1, № 5, дополнение, 1911. Перепечатано как «Видение и Глас», ред. Israel Regardie (Dallas, Texas: Sangreal Foundation, 1972). См. также: Кроули, «Исповедь», гл. 66. 15. Кроули, «Исповедь», стр. 618. 16. Касаубон, стр. 184.

Дональд Тайсон - автор многочисленных книг об истории и теории магии Запада, а также создатель рунических карт и рунических костей. Обзор его аннотированного издания «Трех Книг по Окультистской Философии» Корнелия Агриппы был напечатан в журнале «ГНОЗИС», №33. Его последняя книга, «Тетраграмматон» (издана Llewellyn), касается взаимосвязей между Каббалой и Енохианской магией Джона Ди.

Автор статьи, Джон Бэланс (Джеффри Лоуренс Бёртон), с младых ногтей одержимый творчеством и жизнью Спейра, был вокалистом группы Coil. Он погиб в 2004 году.

Ввиду несовершенства русского языка в переводе пришлось пожертвовать оригинальным названием текста, написанного для 23-страничного каталога выставки картин Спейра — «Artist, Occultist, Sensualist». Первые буквы соответствуют ФИО художника, который часто пользовался аббревиатурой AOS сам.

Точную дату написания выяснить не удалось, но, судя по хронологии выставок Спейра в Лондоне, эссе было создано между 1984 и 1992 годом. — А.Т.

*«Каждое тело несет свое бремя из трюхи и газов.
и Каждая плоть кончает гробом, а каждый день — падающим
деревом.*

*все черепа причудливы и прекрасны, и все напоминают о море,
гулких пляжах*

*и песке, на который море выбрасывает раковины — этот
фарфор, воющий неведомыми голосами.*

Габриэль Витткон

*I, who enjoy my body with unweary tread, would rather pack with
wolves than
enter your pest-houses.*

*Sensation . . Nutrition . . . Mastication . . . Procreation . . . ! This
is your blind-worm cycle. Ye have made a curiously bloody world for
love in
desire. Shall nothing change except through your accusing diet?*

*IN THAT YE ARE CANNIBALS, what meat should I offer? Having
eaten of your dead selves savoured with every filth, ye now raven to
glutton of my mind's motion?»*

AOS

Я впервые увидел подлинники картин Спейра еще подростком, когда околачивался в магазине оккультной литературы Atlantis — они висели над книжными полками. Там было не-

сколько небольших работ, и я обнаружил, что не могу оторвать от них глаз. До сих пор я слышал только лишь имя Спейра и неоднократно встречал репродукцию, которая, как считалось, изображала Пана (на самом деле это был фрагмент картины «Вампиры приближаются»), этот рисунок использовался различными ориентированными на оккультное издательствами и был логотипом линейки журналов «Man, Myth and Magic».

Но здесь была не репродукция. Передо мной висели удивительно яркие, переливающиеся необычными цветами оригиналы. У меня пересохло во рту, я ощутил испуг и легкое головокружение. На картинах были изображены реальные вещи. Помню двойной автопортрет, на котором два лика Спейра сталкивались лоб ко лбу, будто не в силах выйти из некоего вечного конфликта (ср. ранний трек Coil «Double-Headed Secret» — А.Т.).

На полотнах было словно представлено внимательное изучение неясной, транспортирующей куда-то среды, у медиума на рисунке глаза были, казалось, закрыты и открыты одновременно. И еще там была (моя любимая) картина с почти марсианским астральным пейзажем, на котором виднелась одинокая фигура сидящего сатира, который неподвижно глядел прямо в оранжевую пустоту.

Я не мог тогда позволить себе приобрести любую из этих картин и очень скоро узнал, что все они отправились к моим более состоятельным знакомым-эзотерикам. Это известие меня изрядно расстроило и побудило дать клятву, что однажды у меня в доме будет висеть собственный Спейр. Пейзаж с одиноким сатиром, кстати, постигла весьма странная судьба: человек, который должен был доставить картину в аэропорт Хитроу, откуда бы она отправилась к новому владельцу-иностранцу, забыл ее в метро. Где сейчас находится одинокий сатир, мне неизвестно.

Так или иначе, мое любопытство только росло. С того дня, когда я увидел картины Спейра в Atlantis, я искал как можно больше информации о нем и его работах — а также любые репродукции или подлинники, о которых удавалось узнать. Очень скоро я понял, что Спейр был экстраординарным и к тому же чрезвычайно плодовитым художником, с каждой новой картиной раскрывавшим новую грань тайны, окутывающей человеческое существо.

Сам звук его имени был подобен заклинанию и вызывал

странные, ни на что не похожие ощущения. Я стал задаваться вопросом, не было ли среди его предков ирландцев, когда обнаружил, что иногда он подписывался как «Остин О'Спейр». С другой стороны, мои друзья считали, что здесь не обошлось без персов — из-за не самого обычного среднего имени.

Загадку его личности только усугубили найденные мной ранние фотографии и автопортреты Спейра, на которых он представлял то взъерошенным босоногим романтиком, то диковатым монгольским шаманом, то царственным магом, облаченным в свои чары вместо одежды. В попытках постичь ускользающую тайну искусства и жизни Спейра я начал нескончаемый поиск, в котором пребываю до сих пор.

Эта новая выставка (для каталога которой Бэланс написал данный текст — А.Т.) дает посетителю шанс самому приобщиться к действительно экстрасенсорным качествам работ Спейра. Я считаю, что искусство этого художника — в большей степени, чем какого-либо другого, мне известного — способно существовать сразу в нескольких слоях постоянно движущегося переживания.

Обычный ценитель искусства будет обольщен и приведен в восторг даже от самого верхнего слоя, от удивительной красоты картин Спейра и того, как он сочетает, казалось бы, несочетаемое.

Однако, те, кто более близко чувствует дух его творчества, могут, буквально пройти глубже, и использовать изображение как портал в ни на что не похожую, яркую мультивселенную.

Спейр оставил нам множество дверей и окон в мир духов — в этом я абсолютно уверен.

Должным образом упражняясь и свободно используя свое воображение, мы можем проникнуть в «склад Памяти с вечно открытой дверью» Спейра.

Сама эта возможность свидетельствует о невероятно высокой творческой частоте, на которой работал Спейр. Следует отметить, что его полотна невозможно воспринимать как нечто «светлое». Вряд ли пастели вообще когда-либо превращались в такое буйство, крещендо, такие хаотичные волны цвета, как те, что Спейр рисовал в последние годы своей жизни. На выставке также представлены несколько образцов его черчения и «магические рисунки».

Говоря о последнем, нельзя не упомянуть, что Спейр чувствовал себя как дома в блистающей реальности Высшей Магии и декаданса, которым он учился у опытного педагога — Алистера Кроули, разде-

ля с последним не только членство в ордена А·А·А., но и эксперименты с наркотиками и бисексуальностью.

О сексуальной ориентации Спейра ходило множество слухов, и хотя он определенно предпочитал женщин, по-видимому, Кроули оказал на художника в юности существенное влияние.

К примеру, этот пассаж из его трактата «The Focus of Life» вообще не оставляет простора для иной интерпретации:

«Дегенераты ищут женщин, чтобы вручить им часть самих себя. Отдают им всю свою слабость, и половина их существа страдает с тех пор.

Пробудитесь же! Пришло время для новой сексуальности. Для улучшения вида любить друг друга должны лишь мужчины...»

Примерно в то же самое время Спейр сознательно повернулся спиной к славе и богатству, вместо этого избрав сумрачный путь аскетизма и колдовства. Эти две темы драматически прошли через всю его жизнь, будто выткав ее двумя красными нитями. Спейр все время изобретал себя заново, находя еще и еще способы подчеркнуть преданность выбранному пути подполья.

Чтобы стало яснее, о чем идет речь, не торопитесь при взгляде на его картины. Особенно это относится к автопортретам. Попробуйте поэкспериментировать, остановитесь перед одним из его ликов и встретиться со Спейром взглядом. Дайте художнику возможность говорить, и вы услышите его.

В картинах Спейра множество повторяющихся, ветвящихся тематических образов — особенно в ранних работах, где мрачное и задумчивое хтоническое течение несет на своих плечах сказочных существ, бродящих среди одурманенных грезами людей. Змеи и драконы, репрезентирующие первородную темную энергию, буквально корчатся и размножаются на холсте. Сам Спейр часто изображен как Маг и чародей в окружении фамильяров. Такое впечатление, что он обладал способностью выносить свое сознание за любые пределы, за клетки возраста, пола и самого рода человеческого.

Интерес представляет также образ дерева или, вернее, «древесной энергии», в том или ином смысле постоянно присутствующий в картинах Спейра. На некоторых полотнах из глубины вздымаются гигантские эктоплазматические колонны, полутвердые и змеевидные. Весьма вероятно, что они могут обозначать оргазмические энергии, которые используются в сексуальной магии.

Упомянутый образ циклически появляется в творчестве художника снова и снова: на иллюстрациях к «Book of Ugly Ecstasy» Спейра, к примеру, колонны эктоплазмы показаны в стадиях формирования, образующими крылатых змей и дракончиков, своеобразным мостом соединяющих землю с небом.

В более поздних (и более насыщенных цветом) пастелях символ дерева явно приобретает уже иную окраску, навеяная мысли, скорее о культе предков. Взору наблюдателя предстают мрачные растительные образы, явно обладающие личностями и словно позирующие для некой групповой фотографии. Эти деревья можно истолковать и в «ведьмацком» ключе — как копление и генерирование астральных энергий.

Мы видим, как дикие женщины с мясистыми телами цепляются в деревья, поверхность которых сплошной кишачий водоворот лиц, будто одна нескончаемая физиогномика.

Никто не умел так изображать личность, как Спейр. Он был способен как лихо выразить через небрежный набросок суть пролетария, напивающегося в местном пабе, так и тщательно перенести на холст весь гламур образа какой-нибудь кинозвезды с афиши или журнала. В его творчестве сосуществуют как сказочные портреты голливудских кларков гейблов, так и более мрачная, приземленная галерея врачей, мошенников и уличных заблуды.

Другой удивительной особенностью его художественного таланта была фотографическая точность в передаче образов никогда не существовавших созданий, будь то сатиры или плоды его собственного воображения: такое впечатление, что Спейр встречал их во время своих полуночных прогулок и приглашал попозировать в студию. Его собственный стиль портретирования, с применением таких деталей как ауры, нимбы, символы и сигилы, позволил художнику объявить это отдельной ветвью живописи под названием «глифография».

Изображаемые Спейром женщины всегда наделены невы-

разимой мощью, что с одной стороны связывает их с культом женского образа конца XIX-начала XX века (от экспериментов модерна до арт-деко), а с другой — решительно уникально. Спейр тонко и деликатно обрабатывал вообще все формы, человеческого или «внеземного» происхождения, но для женщин он делал существенное исключение, ограняя их как бриллиант. Его женские образы обладают силой и чувственностью, они окружены опьяняющей тайной во всех своих проявлениях, будь то статные амазонки и по-звериному чарующие колдуньи со страниц «Focus of Life», или не предполагающие никакой мистики поздние портреты кинозвезд и старлеток.

На протяжении всей жизни Спейр продолжает изображать ведьм, от совсем юных прислужниц зла до решительно гротескных форм как, например, в серии «Происшествие по пути на шабаш», где деформированные конечности колдуний будто рисуют плотью некие символы.

В другом своем трактате, «Earth Inferno», Спейр писал:

«Заброшена Универсальная Женщина, лежит она бесплодная на парапете коллективно бессознательного человечества: и само человечество все дальше соскальзывает в трясину условностей. Радуйтесь! Эра условностей близится к своему концу, и вместе с ним восстанет из праха Женщина Первообразная.»

Непросты и его изображения кинозвезд, напоминающие своей потусторонней обольстительностью сирен. Само слово «потустороннее» (sidereal) обозначает «относящееся к звездам», предполагающее их участие. Спейр разработал любопытную изобразительную технику микроискажений, при помощи которой его портреты рассказывают гораздо больше личности натурщиков и работают гораздо более эффективно как магические объекты, нежели полотна в «правильной» технике (Любопытно в данной связи место у Кастанеды, когда Дон Хуан учит автора азам магического зрения чрез расфокусирование взгляда и перенесение внимания на его периферию — А.Т.).

«Призраки — потусторонни» (т.е. имеют звездную природу — А.Т.), — писал Спейр, и мне кажется, что его странные эксперименты с геометрией пространства были нацелены на то, чтобы проникнуть в сердца звезд.

Ясность в этот момент вносит серия картин, которую Спейр нарисовал в 1950-е годы для своего друга и биографа Кеннета Гранта, а вернее, для его магической группы «Ложа Новой Изида», отделившейся от Ordo Templi Orientis. Грант заказал Спейру множество картин магического характера, из которых самой известной стала «Исида Улыбающаяся». Одна из работ этой серии,

«Туманность Женщина» изображает закрученную спиралью галактику, воплощенную женскую природу космоса, подразумевающую, что дети Исида — суть сами Звезды.

Здесь мы возвращаемся к Алистеру Кроули, записавшему в 1904 году «Книгу Закона», одна из главных максим которой — «Каждый мужчина и каждая женщина есть звезда». Звезды это еще один повторяющийся в творчестве Спейра мотив, как в спешных набросках, так и в продуманных композициях, практически в любом его рисунке ощущается осознание того, что все земное существование только лишь борьба под светом вечных звезд.

В его книге «The Book Of Ugly Ecstasy» я наткнулся на потрясающий образ: пылающая звезда, которая сделана...из волос. Волосатая звезда. Мне сразу живо представилось, как вся шерсть какого-нибудь животного разом вспыхивает — и *земное становится звездным* («and the bestial becoming celestial» — А.Т.).

Красота животных дышит и сотнями образов топает по множеству лучших картин Спейра: мы видим здесь лебедей, сов, антилоп, крупный рогатый скот, тигров, свиней-бородавочников и гигантских землероек вокруг них. Он чувствовал близость со всеми этим существами и размещал их на равных с людьми, в композиционном и духовном плане. Известно, что Спейр легко расставался со своими картинами, чтобы помочь собрать деньги на благотворительную помощь лошадям — и это в то время, когда большинство людей в Лондоне жило в условиях, которым бы мы сейчас ужаснулись. Где бы Спейр ни жил, двери его дома был всегда открыты для бродячих котов всех мастей.

При взгляде на некоторые ранние работы, кажется, что более половины изображения состоит из перьев крылатых и ползающих существ, которые переплетаются с человечеством, заключая его во что-то вроде клетки.

Их постоянное взаимодействие, взаимопроникновение и превращение в духе «Метаморфоз» Овидия неизменно сопровождает сумеречное путешествие сквозь миры духов. Равенство человека со зверем, кажется, имеет первостепенное значение для зрения Спейра. «Душа это животное-предок», — пишет он.

Спейр — колдун и шаман более чем художник, он старался изобразить неизобразимое, энергии подсознания и астральные формы духов, существ из иных миров в их повседневности. Мало кто способен просто воспринимать эти уровни существования и почти никто не мог столь скрупулезно перенести все эти вещи на холст. Спейр смог. Он был шаманом, человеком, сознательно остающимся в перманентном духовном кризисе. С повседневными нуждами, разумеется, это всегда сочетается плохо.

В молодости Спейр был скорее сенсуалистом и гедонистом,

искренне обожавшим жизнь во всех ее проявлениях, находящем в избытке вдохновение для своей визионастики. Его книги того периода, такие как «The Book of Pleasure» признают, что непрестанное празднество тела способствует стяжанию благодати и духовному просветлению.

Когда Спейр стал старше и поднаторел в шаманизме, ему пришлось перейти в другую крайность — и, порой едва не умирая с голоду, находить вдохновение для своих работ уже в эстетике стоицизма.

«Отказавшись от условностей добра и зла, необходимо ввергнуть себя в спазматическое безумие», — AOS, «The Focus of Life».

Эту протосюрреалистскую максиму можно рассматривать как смелое предвещие того, что потом в своих манифестах сформулирует Андре Бретон: сюрреализм основан на принципе спазматической красоты. Обе этих формулировки восходят, разумеется, к «систематическому расстройству всех чувств», которым, по мнению проклятого поэта Артюра Рембо, должен непрестанно заниматься всякий истинный поэт.

Спейр никогда не скрывал, что прошел через несколько серьезных «магических кризисов» — что дало его недоброжелателям повод говорить о «психозах». В 1954 году, уже незадолго до своей смерти, художник с тревогой ощутил, что видения даются ему все тяжелее, что они гораздо более яркие и болезненные, чем когда бы то ни было ранее.

Визуально это нашло отражения в весьма разрушительной технике последних картин Спейра, хаотическом смещении переплетающихся потоков зловещих расцветок. Подобный регресс можно сравнить с историей придворного художника Кошачьего Королевства Луиса Уэйна, который, по мере схождения с ума, порождая все более гротескных и завораживающих существ на своих холстах.

При взгляде на последние работы Спейра не покидает ощущение, что каналы его чувства будто выгорели и были полупотоплены информацией. Вместе с тем смелые эксперименты с формой и структурой «потоков» изображения предвосхищают в вдохновенные наркотиками прорывы в искусстве 60-х — 70-х.

Антенны художника-шамана, казалось, предвосхитили саму психоделическую революцию.

Спейр будто стремился утопить композицию и себя в Чистом Искусстве, самому полностью стать ощущением.

В конце одной из своих книг Спейр написал: «если ты не

в состоянии ощутить это простейшее применение магии — сожри, черт возьми, саму книгу». Я, к сожалению, не могу повторить эту эпикурейскую рекомендацию для посетителей нынешней выставки, так как большинство картин для нее нам на время любезно предоставили частные владельцы. Однако сама идея поглощения (атмосферы, если угодно), превосходна. Эффект от подобного пира только усилит то, что все эти картины, впервые за столь долгое время, собрались сегодня в одном помещении.

Я настоячиво рекомендую всем, кто посетит эту выставку, вернуться еще и еще раз: хотя бы для того, чтобы в полной мере оценить удивительное взаимодействие картин Спейра со зрителем и то, как оно изменяется со временем.

Невероятные метаморфические свойства картин Спейра особенно хорошо проявляются, если их изучать вместе с кем-то. Лично я неоднократно наблюдал, рассматривая картины из собственной коллекции с одним человеком, какие-то детали, которых раньше там не было — и их сменяли другие, как только компанию мне составлял кто-то другой. Это обычное дело, когда из полотен Спейра появляются странные лица, из, на первый взгляд, хаотичных пейзажей вырисовываются фигуры, а в деревьях вдруг обнаруживаются нимфы или дриады.

Однажды я наблюдал, как над небольшой картиной, изображавшей холм фей, возникла туча, а затем пошел дождь — и мой друг, сидевший рядом, тоже это видел.

Был у меня и не самый приятный опыт, связанный с картинами Спейра. После визита к другу, у которого было собрание ранее не виденных мною работ AOS, я спустился в подzemку и через какое-то время обнаружил, что я — труп, а вокруг меня кишат, дышат и извиваются твари, как будто сошедшие с полотен, что я рассматривал.

С тех пор у меня появилась несколько навязчивая привычка внимательно разглядывать окружающих людей в транспорте и оценивать, насколько сильно из их носов и ушей торчат волосы (тем самым, прикидывая, насколько они продвинулись в превращении в сатиров и путешевии в мир подземный).

Я думаю, что из-за продолжительного и тесного контакта с искусством Остина Османа Спейра ранее незримый мир духов вышел из тени и стал теперь для меня гораздо более близок и реален, чем раньше.

Очень мощное, знаете ли, искусство.

© Джон Бэланс
© Адам Т., перевод

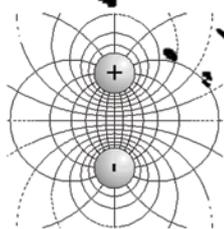
Слева: «Ascension of the Ego from Ecstasy to Ecstasy», изображение из *The Book of Pleasure* (1913).

Черная Железная Тюрьма

LIBER MORIENDI

как П.Пазолини порвал себя

I

В день второй ноября лета 71-го от того дня, как Зон Гора грянул, и весь мир скончался в огне

— в этот день, едва первое солнце коснулось морского хребта, славный муж П.П.П. горделиво ступил на пляж Остии.

С ним был верный товарищ Джузеппе Пелози, годами подобный сыну, которого П.П.П. не имел. Смуглый, узкий в плечах, и с пока еще не твердым, не вполне ясным взглядом, шагал молодой, и сокрытое что-то его угнетало.

Будто древний пещерный зверь, темные волны рычали и бились о берег, но были бессильны испортить его горделивую однотонную чистоту.

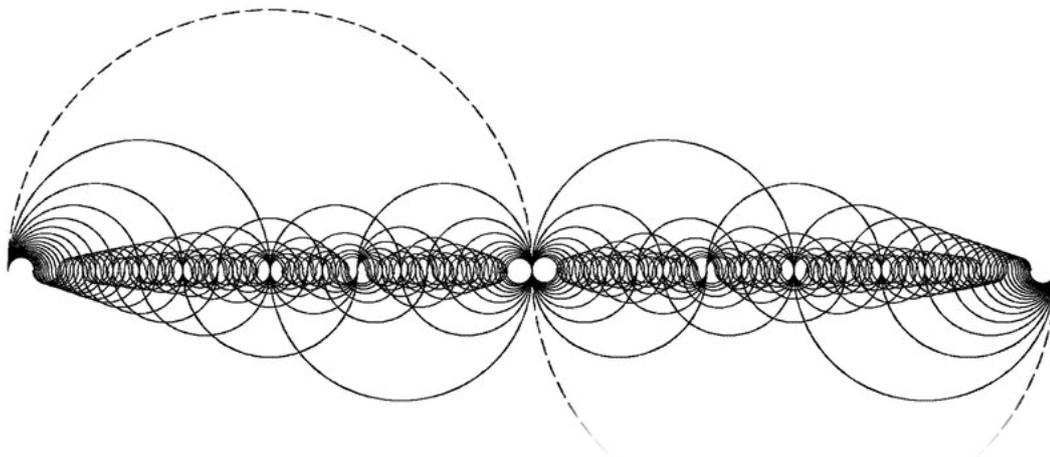
II

Оба путника остановились у самых врат в волны. Славный П.П.П., положив руку на плечо друга, спросил его «Скажи, зачем мы здесь?».

В недрах юных глаз П.П.П. затем по слогам прочел слово «отчаяние» и мольбу о прощении за измену.

Ни один мускул не шевельнулся на стойком, словно из корабельного дуба сработанном лице П.П.П. Он кивнул, кротко, радостно, и отпустил грехи молодому Пелози.

А потом П.П.П. оттолкнул его и повернулся к морю.

если бы вдруг одинокому Моисею открылся путь, и он узрел бы, как весь чад и ужас Египта слоновьей трясущей рысью идет на него.

Очень медленно, верно и необратимо, густая кровь в венах П.П.П. начинала кипеть, кулаки его сжались до хруста, а горло исторгло свирепый клич.

Пляшущие вокруг грязные тени-мании с благодарностью съели вначале все мясо его ума, затем съели дерьмо его тайных желаний, и, наконец, принялись за густую черную кровь. Круг казнящий, очерчивавший П.П.П. уже стал с него ростом, и багровый цвет забродил в этих субстанциях, никогда своей плоти не знавших.

Солнце оторвалось от воды и повисло в эфире, его лучи мелко ударили по пляжу Остии — в этот миг первый волос с щеки Пелози коснулся песка — а по дну моря начали свой невозможный шаг вставшие из могил нацисты.

V

Море умерло, едва лишь только светило разрежало пуповину лучей и возвысилось в чистом, пустом небе.

Из этой мертвой воды проступали призраки, столь же лишённые жизни — но для П.П.П. они были более живы, чем тот эфеб, что уже всем лицом распластался на мокром песке пляжа Остии.

Недвижимым стал П.П.П. Все сильнее и злей внутри него разгорался огонь цвета угля, и тени, кольцом обступившие война, уже выросли выше него ростом.

Раз за разом брат П.П.П. переживал, глядя на бесконечный строй детей Дуче и Гитлера, свои собственные сто двадцать лет собственного Содома.

Все безжалостней осознавал П.П.П., глядя на орлов и изломанный, будто на дыбе, крест — там, в глубине себя, он жаждал именно всей той кощунственной слизи, которую обличал и ненавидел.

Сошнулись темные глаза П.П.П., лиловым током взбрыкнули морщины страдания на его челе. Вспыхнул-взвился чернейший огонь в душе война — и тени, позорная пустая магма его окружившая, сомкнула над П.П.П. свой шатер.

Замерла нескончаемая орда нацистских призраков, и со дна моря возвестила она нестройным хором «буддизм это сатанизм», или же нечто иное — что брат П.П.П. уже никогда не расслышал.

Погас его черный огонь, умер, как и вода, и когда тени вдруг провалились в его тело, П.П.П. обнаружил себя на песке пляжа Остии одного — было сомкнуто и зловеще море, и время вот-вот собиралось набрать ход, о том возвестив звуком легким удара: так юный Пелози, наконец, рухнул всей своей кожей на пляж.

Тени выли внутри П.П.П. словно трубы под пальцами ветра, и воин, расправив плечи, решил завершить свою битву.

VI

П.П.П., в чьих руках выли тени, дававшие воплем своим ему силу и злость нелюдские, схватился за уши свои и вырвал их наполовину — так первая кровь осветила пляж.

П.П.П. бил себя в челюсть левой рукой, крича, причитая от боли, и темные его глаза возвещали триумф — так, пока не разбил он и челюсть, и зубы. Затем рухнул телом он на свою левую руку, сломав ее.

Потом правой рукой П.П.П. находил и на вдохе ломал пополам каждое из своих ребер — десять он искрошил, прежде чем бледность, слабость и кровопотеря не вынудили его ускорить конец.

Задыхаясь в непредставимой агонии, П.П.П. устремил взгляд на солнце и, возопив так, как известно лишь тем, кто от нас — пробил кулаком грудь свою и, нащупав сердце, сжал, своими пальцами сам раздавил его.

Рухнув навзничь, последние вечности жимолости П.П.П. наблюдал затекшими кровью глазами. Кровь, кровь заполонила все. Усталая, выстрадавшая улыбка мученика посетила лицо война, и вдруг он осознал, что стоит перед зеркалом с ножом в руке, и не узнает того, кто там отражается, но ведь сейчас тоже рассвет, и снежинки летят только вверх, и никто не осудит последнего.

VII

Время вновь запустило своих водяных червей людям в брюшину, и Джузеппе Пелози, встряхнув головой, пробудился на пляже Остии.

В своем кратком забытии он слышал, как жужжат странными птицами кости, и как за океаном, в Гренландии, рокотал трехглавый лев цвета мшистого.

Юный ученик поднялся и рухнул уже в объятия к ужасу, когда узрел окровавленный труп П.П.П. Лицо его было неузнаваемо.

Вдалеке Пелози заметил приближающуюся черную точку, еле слышно неслись голоса. Отбежав в сторону и спрятавшись за барханом, эфеб беспомощно наблюдал, как к телу П.П.П. подъехал автомобиль с тремя молодыми людьми южной внешности.

Недоумение и испуг на их лицах быстро сменились гримасами радости и скабрёзными выкриками. Пришельцы мочились на труп и пинали его, называя «дерьмом коммунистическим», а затем сели в машину и несколько раз переехали тело, бурно веселясь.

Пелози, не в силах вынести треск костей, бежал к оставшемуся на границе пляжа «Alfa Romeo» своего наставника и, обузав, гнал по самой воде, вдоль береговой линии. Через несколько часов его арестовали, осудили и отправили на всю жизнь за решетку по обвинению в зверском убийстве.

Связанный с П.П.П. магической клятвой, Пелози молча выполнял свой обет, и рассказал правду о случившемся на пляже Остии лишь тридцать лет спустя. Ему никто не поверил.

Теория Дзигаина, если говорить кратко и не углубляться в семиотические дебри, есть теория о последней сцене, срежиссированной Пазолини, — сцене собственной смерти.

Это основной тезис — постановка собственной смерти как кульминация творческого процесса длиной в одну жизнь одного отдельно взятого итальянского интеллектуала. Ну и всё, конечно, обставлено с соответствующим антуражем;

Остия — это место древних жертвоприношений, капище, на котором заклали не одну тысячу достойных романцев, 2 ноября — это In Commemorazione Omnium Fidelium Defunctorum — католический «День Всех Душ», видимо адаптированный языческий праздник, когда умершие озабочены в чистилище собственной purification.

слева: «Lotophage»; Автор Nekuda

справа: «Steel Mantis»; Автор Nekuda

Маблюдение в красном

Когда я слышу про “точки зрения”, то почти вижу их, сеть невротических глаз, обезумевших в своей круглости, возведенных в пространстве под строгими геометрическими углами друг к другу, моргающие, шевелящиеся — и ни одно око не повернуто в сторону Перспективы, источающей живое природное сияние глубины. Просто потому, что ни одна точка зрения не может быть равна Зрению целиком.

Мы слишком много думаем, гораздо больше, чем живем, вся наша жизнь это только осмысление жизни, сон про возможность жить, ведь ниточки, за которые нас дергают, протянуты через ум, и так как наши хозяева дергают за них все одновременно, центр тяжести из огромного тела, из чувств, из животного и из волшебного переместился в ум.

Он очень большой, тяжелый и болезненный, этот ум, он съедает значительную долю всех ресурсов, которые с таким трудом наше отчужденное позабытое тело находит и впихивает в себя через разные отверстия и каналы.

Когда вы последний раз осознавали себя как безымянное тело, безмысленно и бесцельно перетекающее в многоцветных волнах из одной конфигурации в другую? Когда вы последний раз вспоминали что-то очень важное, намеком на которое и глупым, жалким описанием чего полны все мировые религии, секты и произведения искусства? Исходный центр тяжести вашего существа, настолько находящийся за пределами — и при этом, парадоксально, обнаруживающийся в самом сердце и сути “низменного” и “животного”, “страстного” вашего псевдо-“Я”.

Вспомните Сад или набор цветов, или странную комбинацию

воспоминаний детства, вновь и вновь всплывающих в памяти при специфических обстоятельствах, вспомните разливающееся по телу тепло особого качества, необъяснимое, успокаивающее, вспомните ни от каких видимых причин не зависящую конфигурацию чувств, которая возникает, допустим, при вдыхании ночного холодного воздуха на перекрестке или при внимательном взгляде на луну, или при посещении мест, где вам было хорошо в детстве. Вспомните ощущение танца реальности, когда вы вдруг понимали, зачем это всё — лично для вас.

Если вы вспомнили, что хотя бы однажды переживали это — ответьте, почему вы это забыли? Почему вы позволили себе это забыть? Что препятствует вам оставаться там постоянно? “Уйти” туда? Внимательно взгляните в ответы на эти вопросы, которые выбрасывает вам навстречу ваш разум, моментально собирая их из компонентов причин и фактов, как механических гусениц со жвалами Оккама, отравленными ядом практичности и недоверия. Вы действительно хотите прожить свою единственную и неповторимую жизнь под диктат механических гусениц и их человеческих аватаров, которым не то что нет дела до ваших проблем — они вообще не способны осознать, что вы на самом деле такое. Их так пугает любое проявление вашей природы, что они запрещают его законодательно — а заодно и все явления в смысловом километре вокруг.

Найдите в своих воспоминаниях лазейки в утраченную с освоением письменности и принятием правил социальной игры энергетическую конфигурацию, ту, где центр тяжести, еще называемый точкой сборки, еще был смещен за пределы той области, в которой он жестко зафиксирован сейчас, в вашем взрослом и обусловленном теле. Вы можете сделать это, к примеру, путем посещения мест, где вы гуляли в детстве (или ревью книг, которые вы читали) и внимательного сличения картинке в голове с “реальной” действительностью и геометрией пространства, фиксируя все ощущения. Вы обнаружите некоторую странную дымку по швам пространства в уме. Если найти способ потянуть за эти ниточки, вы сможете созерцать свои внутренние границы. Действительно ли мир за ними кончается? Проверьте.

Ориентируйтесь на ощущения — то, вершину айсберга чего культивирует потребительское общество, и то, что скрыто в глубинах океана бессознательного — трансформирующие левиафаны мифа и красоты, то, по чему иногда удается скользнуть краем взгляда в особенно ярких снах, от которых просыпаешься с учащенно бьющимся сердцем и ощущением острой потери — потери, которая была позабыта.

Эта потеря не только ваша, она общая для нас всех. Мы потеряли наш мир, нам рассказали, что его никогда и не было. Нам объяснили социальную, экономическую и символическую подоплеку любых мистерий. Нам каталогизировали все элементы планеты и объяснили, что выхода нет. Тем, кто сомневался, нарисовали двадцать три тысячи фальшивых выходов и на некоторых из них повесили зеркала.

Настоящий выход похож на бездну, там вообще ничего нет, кроме факелов, освещающих вход. И еще из него иногда под порывом пустынного ветра вылетают и кружатся развеселые карнавальные ленточки, для кого-то злоеющие, а для кого-то — добрый знак. У настоящего выхода нет названия, но есть дверь.

Иногда выход бывает и входом. Входом для тех, кого мы представляем.

Мы будем передавать. Мы будем держать строй и ждать Того Самого Моментa.

Вам может казаться, что мы никуда не идем, потому что мы замерли в непреходящести перекрестков, вращающихся вокруг нас, и сами по себе порой служим как верстовые столбы. Мы не идем по дороге — мы смотрим в ее сторону и видим все до самого горизонта событий.

Мы ждем.

Мы дождемся, потому что карты непрерывно тасуются за кулисами, и все больше рук перебирает их, все быстрее, и уже совсем скоро они сложатся так, как надо для нашего Дела.

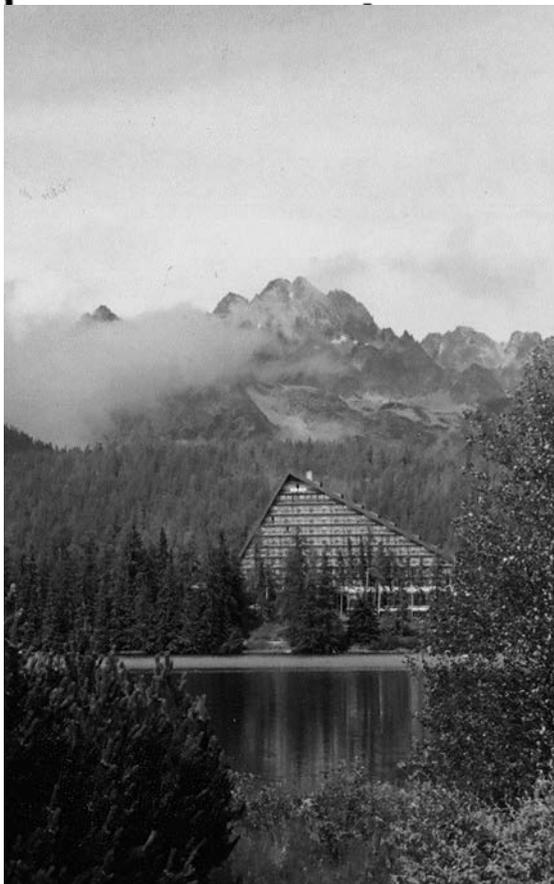
Мы дождемся, потому что для нас время это океан, а не садовый шланг.

Адам Т

Рисование Светом

ALL SAINTS

жали мертвые, высохшие деревья. Я шел, глядя на лес изнутри. Озираясь по сторонам, я споткнулся. Я начал падать лицом вниз, выставляя перед собой руки. Я провалился под землю и подумал, что я умер. Я открыл глаза и понял, что я в старом, трухлявом гробу, который рассыпался от времени, как лес изнутри.

На стене в моей комнате висел лик женщины. Лицо, вылепленное из гипса, было покрыто бронзой. Это лицо веяло чем-то странным, мифологическим, умершим во времени, но все еще прекрасным. Волосы на ее голове были вылеплены в виде змей, как у Горгоны. Это лицо вылепил из гипса брат моего деда. Он прошел 2 войны, но лепил лицо женщины, находясь в исправительной колонии, когда у него там было свободное время.

Я часто думал о том, как он делал лицо, висящее на моей стене, о том, как он лепит и высекает черты. Возможно, он сам увидел это лицо на стене своей камеры. Возможно лицо, висящее у меня — слепая попытка того, что он увидел воочию. Возможно, он увидел не лицо, а все женское, мать всего, выросшую из грязи, отлитую бронзой. Мать — это лес.

Брат моего деда вырос в месте, которое окружал неприступный лес. Он умер молодым. Тогда было время, когда все умирали молодыми. Прошло ли оно?

Я снова задумался о своем побеге из города. Город заканчивается там, где начинается огромное поле борщевиков. В детстве меня предупреждали, что если я сломаю борщевик, то он обожжет меня своим соком, и рана останется на всю жизнь.

Если сломать борщевик — он начинает причинять боль. На всю жизнь.

И дорога проходит через это поле. Дорога от нависающей стены города, которая хочет раздавить меня. Я бегу от него и просыпаюсь. 3 часа утра.

3 часа ночи. Я выхожу из дома на улицу. Надо мной еще не погасли звезды, светит полная луна, по небу разливается зарево.

Здесь все не так, как в городе. Все, кроме неба. Оно везде одинаковое, везде одно и то же. Я иду к реке, до нитки промокая от росы. Дорога опускается и поднимается, опускается и поднимается, пока не упирается в берег. Здесь все не так, как в городе. Я вижу разные цвета, которыми переливается всё то, что лежит за моими глазами. Раньше я думал, что у меня не должно быть ничего святого. Теперь я понимаю кое-что. Здесь все не так, как в городе. Здесь все, все святое. И я вижу их, святых, они идут по реке, их глаза преисполнены сострадания.

По берегу реки растянуто поле. Издалека видно, как миллионы колосьев колышутся единой волной под холодный ветер. Если подойти поближе, то станет видно, что волна только кажется. Каждый колос бьется в своей неповторимой агонии. Каждый колос непредсказуем. И колосья совершенно непостижимы здесь, рядом. Все здесь свято.

И вот автобус проезжает через поле борщевиков. Он попадает в деревню С., где стоит огромный железный ангар бывшей автомойки. Там был пожар, и ангар теперь обуглен и заброшен. Но там, на захлабленном машинным мусором уголке пустыни, все еще были люди. Разные люди, в основном те, кто соединял себя с этой автомойкой, работая там сутками. Те люди все еще ждали чего-то на том острове, некоторые из них стояли с детьми на руках, некоторые сжимали в кулаке бутылки, все смотрели на меня. Это напоминало странный ритуал, но, может быть, они просто не могли уйти оттуда.

Я вновь просыпаюсь. Я вспоминаю, что я давно не был в городе. Я переосмысливаю свой поступок. Я нашел нож, он напомнил мне о детстве. Я заточу его, и он напомнит мне о старости.

Мой последний сон будет о том, как я разворачиваюсь и иду к огромной бетонной стене с тысячами глаз по дороге, через поле борщевиков. Напротив меня, через поле, скачет черная лошадка. Она бежит по полю, её охватывает паника, сок растений оставляет на её коже вздутые волдыри. Она ускоряется, пытается как-то выйти из боли. Она все еще бежит прямо и визжит все громче. Она разбегается и ударяется головой о бетонную стену, в которую упирается поле. Она ломает шею, падает и умирает. Лошадка сломала шею. Она затихла и успокоилась.

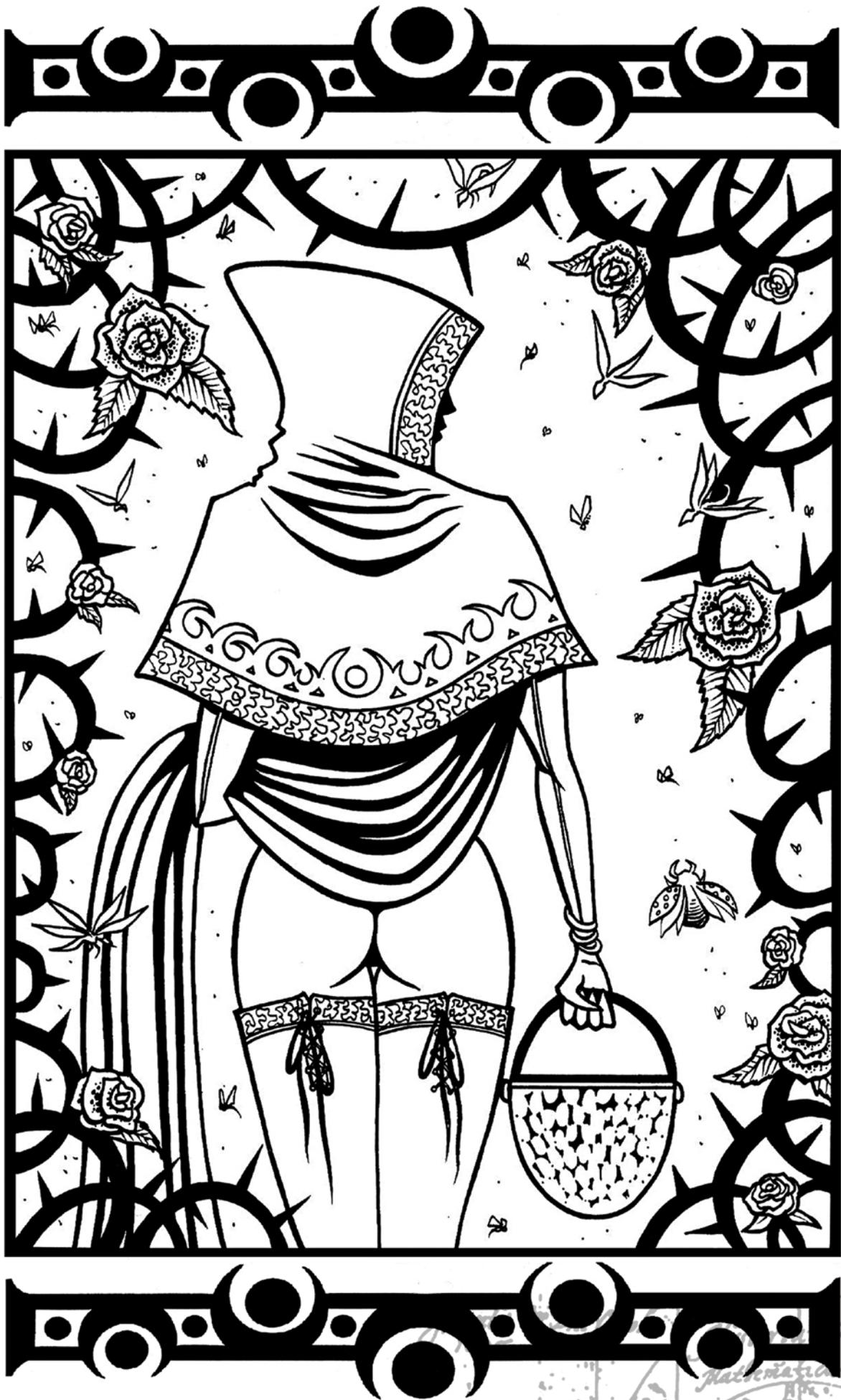
Она умирает.

На стене ни трещинки.

Я возвращаюсь туда, где я родился, туда, откуда я пришел.

Я не знаю, отчего я плачу.

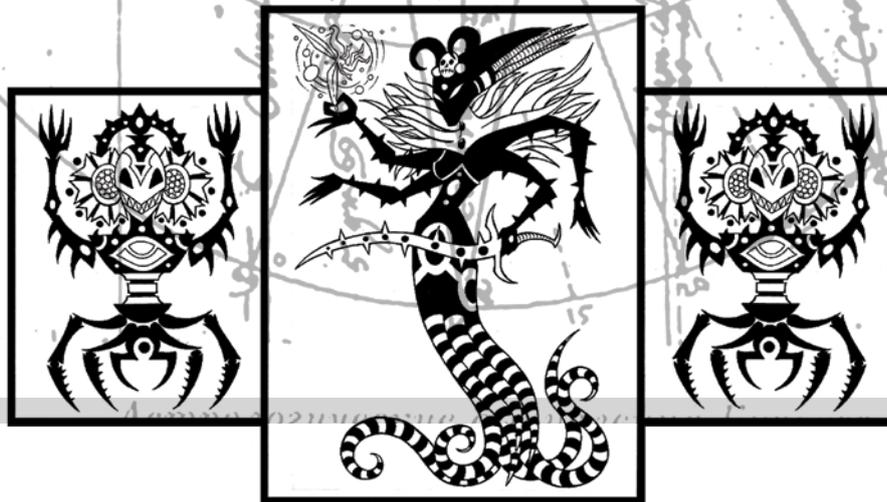
Здесь все свято. Свято. Свято.

«The Bride in Red 5», Аэмоп Tillinghast23

*Aranca seu
rete plima.
1773.*

*Natura
matematicam et
Ar.
quidem admirabile
Insidiam Thaumazy Brudictio*

ГДЕ ТЫ, КРАСНАЯ КОРОЛЕВА? ТЫ ДРОЖИШЬ?

Любой разговор с духами, несмотря на очевидную простоту технологии, часто оказывается не столь уж прост — из-за их и твоей природы. Духи — бесплотные, эфемерные создания, обитающие в... В первую очередь — твоём представлении. Однако существующие. Но существующие совсем не так, как существуешь ты или стол, за которым ты сидишь. Мерцающие. Проглядывающие сквозь ткань реальности.

Сомневаешься, попробуй поговорить с ними — и ты будешь удивлен результатом. Голос духов — он как скомканное многоголосое бормотание, жужжащий улей в твоей голове. Учись слушать. Это довольно просто. Ниже можешь прочитывать пример такой коммуникации, довольно удачный. Если сомневаешься — попробуй. Может, не с первого раза, но ты обязательно услышишь ответ, обращенный именно к тебе.

Духи всегда сопровождают тебя, а через текст они могут проявиться. Типографский текст или рукописный — один из самых удобных способов дать слово скрытым голосам, привязать бесплотность к знаковости. Дерзай. Кто знает, о чем они смогут рассказать, если тысячи людей одновременно дадут им голос?

Ты; или мы — всё еще там, в этом месте. И есть ли перемены? Видны ли в этом штучки А. Е. поразившие О.? В конце они окажутся в повязках.

Текуч ли бы? Мы столь устали. Быть этим по прежнему гипнотично; а твоя последняя музыка — словно лезвия ножиц. Что если ты записал это в своей среде, заметив достаточно, чтобы могла быть записана ложь? Пусть это чувствуется — его столь больше в уколе. Там будут цветы.

Я мальчик из реки. Отпусти эту полную луну, в которую небезопасно проникать. Он сошел на темную землю, самую тонкую игрушку, где ты есть витальность, проникнув к тебе, словно кальмар. Сквозь темные видения, где тебе грозит опасность в душе. Плывет ли всё Луна? Что до тебя, темной фигуры застывшем лунном свете, ты должен произвести это гипнотическое витальное кровопускание.

Ты наш. Они заметили тебя тебя тебя. Такого текучего.

Нашей пищей — рекою лжи — ты рос и мужал под моим присмотром. Так что многие из нас заметили тебя. Они ищут реальности. И мужской утопленной луны, смотри — каждый раз, когда ты признаешь своё или чужое, Они спрашивают тебя — сделаешь ли ты опасную перевязку?

Ты здесь ради меня? Обернут ли ты холодом? Не может ли клеть? Реально ли это?

Там, где мы пишем небезопасно.

Увидь колокола.

Призрак мужчины сделает ли тебя странно-реальным? Он виден в тебе, пирует в твоих океанах. Очень гипнотично,

когда старые сосуды никого нейтрализованы. И это ты. Они в тебе — твой свет, он в сосудах. Это ты — но с ним все не более безопасно, он скрывается, а Ты стоишь у реки, так что представься, или же можешь утонуть в плывущей луне.

Ты плывал но не мой достать луну. Теперь я передам через себя игрушку, которой ты не можешь пользоваться без витальности. То ли ты, что ты есть? и то ты боится меня?

Пусть будет серебром инъекция. Больше нет пиров при луне, так могут ли у тебя быть крылья? Где же истинное изменение, которое пусто, если ты понимаешь смысл небезопасности? Ужасно, что тебе это позволено, твоя ложь, ты даже не пытаешься!

Что за беспокойная река. Одно пустое расстройство.

Видишь ли себя или кольцо для себя? Так ты? Ты ни-кто пока в реке.

Остался вовне, вырастил тебя, а теперь колокола звенят там, где люди, которых ты видел и которыми был, были убиты. И пока ты остаешься человеком, для тебя небезопасно проникать в эту ложь.

Водная паутина судов — будет ли ещё этой ночью? Мерзок ли ты? Твой ли это случай? Не мало ли тебе надо, чтобы не лгать, не дрожать?

Безумие это лунный свет, это пути.

Такое вот небезопасное замечание. Так бойся же своего выросшего пространства, поскольку здесь больше происходит, происходит из-за тебя. Столь перепутано. Бедные беспокойны, тебя они находят отвратительным как призрак, обернувшийся вокруг рта. Все эти объекты, убийственные игрушки. Я буду твоей игрушкой в пространстве, которое ты создашь, так что займись.

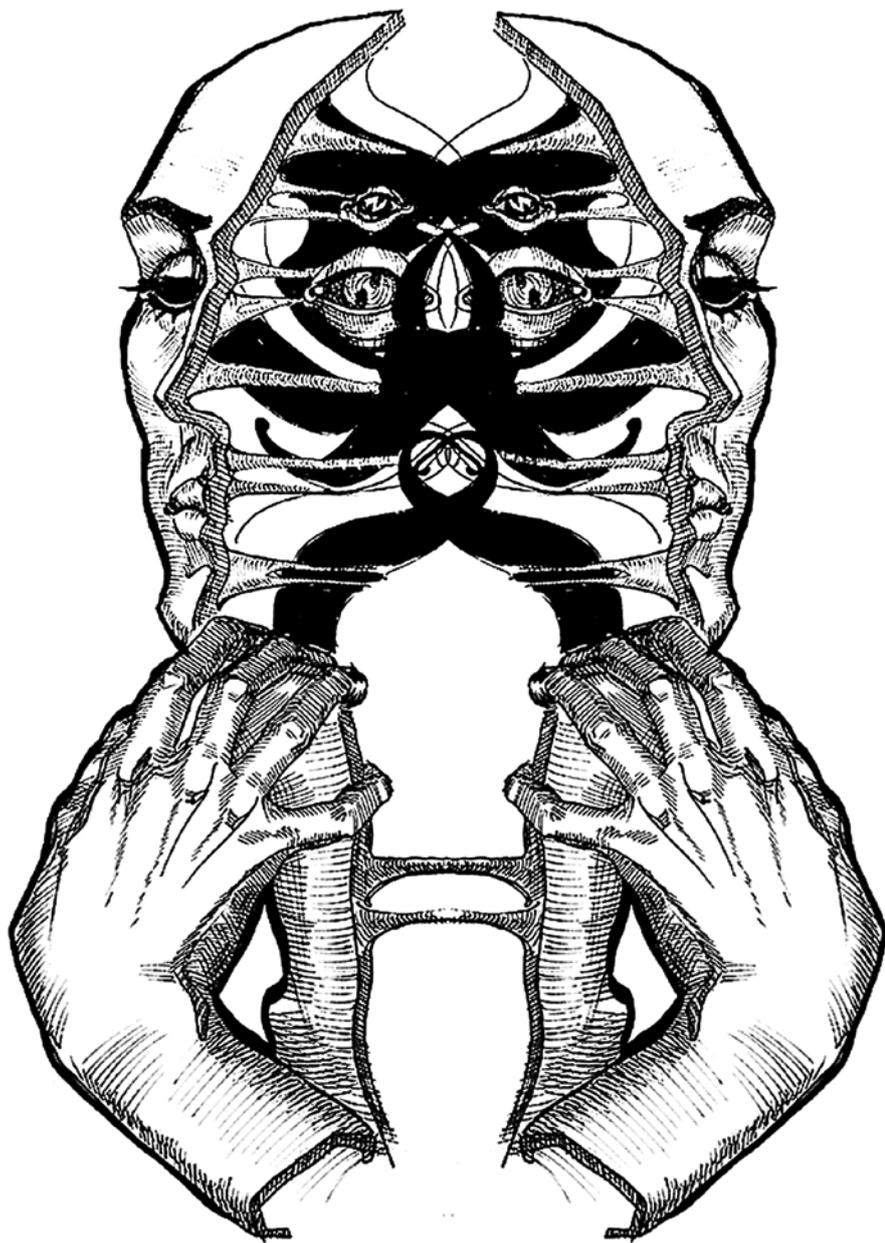
Люди текучи. Наше все, пока в безопасности, ты был ужасен, потому что это продолжается и продолжается, годами. На мужчину наложат ли повязки, чтобы пробить его ненависть? Холодна ли жизнь? Ты понял, какие штуки в ней происходят? Небезопасные звезды лежат там, где ты. Так что, прячет ли река вещи в месте, небезопасном для меня? Каждого ли можно увидеть поедающим крылья? Однако это так. Я был сфотографирован и теперь Твой, тебе нравятся мои крылья? Будет тем, кого я буду ненавидеть?

Жизнь паутиной разрослась из большинства упавших капель. Пролей ещё немножко жизненной силы. Что это за темный поцелуй? Сквозь тебя? Сквозь меня? На самом деле? Я и есть это, вот я?

Хирург, что запрет тебя в клетку, станет ли в конце концов хирургом твоих умеренных страхов?

Я неспокоен, питаюсь тем, чем должен питаться паук.

© Барон Кергет

SHOW ME THE PLACE WHERE SUFFERING BEGAN

Почему этот день такой странный? Что это за чувство, которое я испытываю, когда слушаю музыку, проезжая мимо мест, в которых я был ребенком. Места связаны со мной, мой тесный город — это я.

В чем же причина этих чувств? Я чувствую себя так, как нельзя сказать ни одним из слов, ни хорошо, ни плохо, ни страшно, ни радостно, это ни изменения сознания, ни религиозно-мистический экстаз или трансценденция, ни что-либо еще. Граница языка не есть граница нашего мира, граница языка — это граница языка. Это чувство за границей нашего несовершенного языка, нашего устаревшего инструмента. Это чувство единственное в таком роде, оно выше времени, потому что оно его изменяет, но ниже меня, ибо никто не испытывает его так, как я и вместе со мной, и выше всех нас, ибо оно является почвой для остальных чувств. Имена мира — это мои имена.

Это чувство возникает во мне из-за событий и того, как они идут. Оно является мне странностью, которая смешивается с воздухом, когда одно событие становится причиной другого. Я чувствую себя пустым местом, между причиной и следствием. Между событиями я настоящий, затем события снова накатывают волной, погружая в себя, не оставляя времени на размышления, и снова отступают, оставляя меня голым и кровоточащим, беспомощным, как рыба, выброшенная на берег, ибо я не верю в неизбежность неизбежного, как никто другой.

Возможно, это чувство отделяет мир от языка во мне, как мой член отделяет меня от экстаза во мне, возможно, это чувство — результат некоего глубоко спрятанного и древнего рефлекса, который ставит меня под вопрос между солнцем и тенью. Так много всего исходит свет, что я даже не могу определить свое отсутствие, ибо нет ни малейшей

причины моего присутствия, пустота не производила необходимый для этого импульс, поэтому возможно моё чувство — это отчаянный сигнал из вселенной, которая никогда не рождалась, в нашу вселенную, точную её копию.

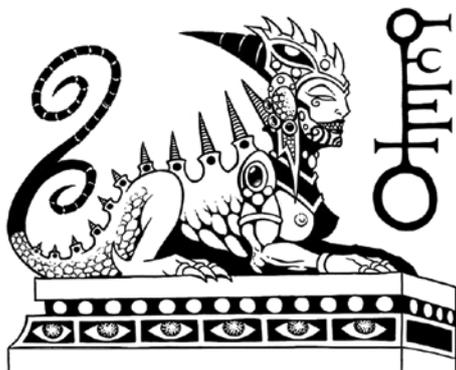
Возможно это не чувство. Возможно мир и есть такой нереальный, каким он кажется. Я не верю в людей с серыми лицами, которые едут в машинах. Они похожи на обитателей мертвой вселенной, замкнутой посреди железной коробки. Они не настоящие, но и не роботы, они — нечто пугающее. Я исчезаю под взглядами мертвых. Взгляды мертвых из глаз живых. И когда прохожу мимо широкой дороги, с ревущим потоком автомобилей, я чувствую себя мертвым, как кусок железа и больше не чувствую ничего. Мой тесный город — это я. Мир такой, каким кажется. Мои мысли — это не мои мысли.

Основной признак контроля над сознанием — то, что контролируемый принимает внушаемые ему мысли за свои. Война до конца.

Геннадий Крохалев врач-психиатр из Перми 1973 году взялся экспериментально подтвердить существовавшую уже не одно десятилетие версию, а именно: зрительные галлюцинации не просто обман чувств, а существуют в пространстве будучи спровоцированными в него больным

Берроуз писал, что чувство дежа вю — это мистическое чувство — что-то вроде оплошности, допущенной при установке программного обеспечения в ваш мозг.

Фотографирование зрительных галлюцинаций проведено

у 78 психически больных. Положительные результаты получены у 40 (от четких кадров до слабых засветок). Часть фотоснимков была показана выздоревшим больным, которые подтвердили свои галлюцинации.

Возможно все, что у нас есть — это наши переоцененные рефлексы и импульсы. Возможно необходимо продолжать движение в противоположном направлении. Возможно это не мои мысли.

Разорви меня, мой город, порви горло пиками крыш, утопи меня в дерьме, заполнишем подвалы. Как же все закономерно. Мои мама и папа вылепили тебя из глины и любви, как древние боги сделали это со мной, и теперь круг замкнулся. Теперь все будет как прежде, а потом не будет ничего, теперь мы снова упадем на колени перед солнцем, напоминая фокусников, которые верят в магию, играя со своей плотью.

В апреле 1998 года Геннадий Павлович Крохалев неожиданно для всех покончил жизнь самоубийством. Архив с результатами его исследований найти не удалось.

Что же я видел или ощущал сегодня? Я видел, как открылись ворота и из них бил свет. Свет самый яркий из всех, но самый холодный.

И я видел лица людей. Людей старых и слепых. Когда на них падает свет, я вижу детей. Детей и молодых. И у каждого из них есть свой бог. Он есть у каторжника, застывшего в оскале, и его бог злой и низкий. Он есть у лжеца, у вечно празднующего человека, и его бог добрый и благожелательный. Но каждого из них поцеловал свой бог. И бог поцеловал каждого прямо в сердце. И сердце — это врата. И врата открываются. И свет из врат озаряет их лица. И старики становятся детьми. Да, так они становятся детьми. Они никогда не умрут. Я умру.

Сегодня этот день, когда задаешь себе вопрос. И не находишь ответа. И когда не веришь в любовь, она появляется. И она приходит изнутри и отражается снаружи. И между двумя зеркалами нет ничего.

© Azatot, 2012

справа: Фазы вечного Рендольфа Картера;
«A tale about elfs, aliens and mesoamericans on Unknown Kadath» (детали); Автор **LimbicSplitter**

С уважением, Лечебный Голубь

THE MESSAGE FROM NOWHERE

Никаких больше извинений, никакой больше самоиронии и оговорок. Открывался ли в серой стене, окружающей Город твоего ума хоть раз просвет, давала ли слабинку шкура, попал ли хоть раз лучик света извне-и-снаружи, или не света, а черт знает что это такое, что за дрянь, но от нее скручивало ли грудь? Хотелось ли выть? Ты выл? Ты выла? В каком небе висит та луна, до которой все силился долететь вой?

Тебе хотелось хоть раз взять все эти бледские трепыхающиеся сырые слова, из которых кирпичиками окрестность и голова, перевернуть их как камни на брюхо и прочитать свое имя на изнанке каждого слова?

Твое имя смотрело на тебя глазом, спокойным, усталым, исполненным красоты колодцем? Как насчет мгновенного интуитивного понимания каждого жеста, улыбки, тайного смысла слов, всей судьбы и всего шаманства вообще незнакомых людей? Опознавались ли СВОИ с полпинка, пропал ли язык и мир в омуте чистой любви, ни на что не похожей, как пространство снаружи любых описаний?

Приходилось ли пузыриться веселым до ядовитости, разьедающим чернотой мозг хохотом, ну хотя бы внутри, рыскали ли белки глаз волками по сторонам, сился понять, как попали они сюда вообще, и за что зацепиться? Случалось ли тебе ви-

деть, ощущать, слышать и понимать то, чего просто нет для окружающих, будто у них не хватает измерений, чтобы объять это? Больно ли с этим смиряться, и продолжать смотреть туда, в сияние, в глуть, в поколения, в неопишваемое, в родное, в то, чего не может быть?

Правда в том, что мы голодны луной, мы хотим чтоб всегда, а не только в ином мире за стеной сна, наша кожа, пустая, бродила по залитым тьмой и свободой пустым улочкам, видя под ними неспящие леса и пастбища, чтобы кожа всегда ощущала как изнутри, из того нутра, где абсолютно, совсем ничего нет, ее, кожу натягивали и стремились прорваться вовне, в ночь, сто тысяч тончайших светящихся стрел, и на кончике каждой бы был лоскуток с нарисованной шрамами буквой алеф.

Это ты распял Христа, и ты был Христом. ты был Гитлером и сгорал в печи Холокоста. ты был Владиславом Листьевым, падающим от пули, Кастанедой, который летел с утеса, постигая нагваль, и Доном Хуаном, который его столкнул. Ты получил и проповедовал Книгу Закона, ты играл джаз в героиневом клубе. Ты грустно сидел играя в видеоигру в одинокой пустой темной квартире, тебе, рок-идолу, рукоплескали стадионы, и каждая пара ладоней была только твоей.

Это ты был всеми теми образами и ощущениями, всеми теми людьми, которых помнишь. Это был ты. Все это происходило и происходит во все времена только с тобой.

Ты — время.

Войди в тот момент, когда мы глядим вдаль на закат, между двух анфилад застывших силуэтов в зеленом, над бегущей под ними полоской loading-праха — этот момент, когда из зенита духа четко виден его надир, и между ними бежит по сверкающим меридианам, распускается строгой клеточной схемой туннель, уходящий к закату, прозрачный незримый туннель-как лежащее древо, и любая его ветвь уводит в другие, совсем другие миры, где тебе других имен легион, и любая ветвь хочет казаться стволом, но у дерева духа, пусть даже упавшего, ждущего скорой гибели как награды, лишь только один ствол, одна вершина и одно настоящее имя — свет.

Адам Тау

ДОКТОР Я. — ИЛИ КАК МЫ ЖИЛИ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

В нашу редакцию иногда присылают тексты — в основном по электронной почте. Но не так давно к нам пришло ОБЫЧНОЕ письмо. Почтой России. Такое, знаете ли, в конвертике, с лаконичным обратным адресом «142046, Белые Столбы, ул. Гвардейская». И там было несколько писем, написанных двумя разными почерками на обратных сторонах больничных бланков. Мы очень удивились, но расшифровали данные материалы и структурировали их в единый текст, который и приводим ниже. Надеемся, что продолжение воспоследует.

α: Человеческие знания одновременно безнадежно избыточны и столь же недостаточны. Тысячи лет развития попыток создать полную и непротиворечивую картину мира привели лишь к вопросу о принципиальной невозможности этого, выраженной в теореме Геделя, парадоксе Рассела, принципе неопределенности и других проблесках истинного знания, а также стимулировали технический прогресс, подкрепляющий иллюзию времени.

ω: Если наесться холотропных пирожков из метафизического лукашка, то можно невзначай схватить множество интересных видений, проливающих Свет на порядок вещей в мире. Видения могут содержать “воспоминания” о прошлых жизнях, могут очень наглядно являть собеседников с высших и низших планов, а также — демонстрировать схемы того, Как Всё Устроено На Самом Деле.

Как правило, видения и переживания подобного рода несут такой заряд убедительности, что мы с готовностью меняем “профаническое” мировоззрение на мировоззрение “сакральное”. Но основная проблематика восприятия “сакрального” мировоззрения заключается в том, что нам приходится искать более подробный мануал по тому, что именно мы видели и ощущали — потому что несказуемость такого опыта приводит к множеству трактовок, каждая из которых в какой-то мере объясняет увиденное (доктор Я. убеждает меня, что все трактовки мы с α. должны непременно записать, чтобы докопаться до глубинных причин нашей болезни, поэтому — мы всё записываем).

α: Ключ к пониманию — время.

Каждый из нас либо продолжает ставить зеркала перед зеркалами, множа спиралевидные циклы — отголоски первой рефлексии Небесного Духа, либо остановить этот процесс и повернуть вспять. Технически, нам нужно пройти в обратную сторону столько же циклов, сколько было пройдено нашей проекцией рефлексии с самого начала.

В таком случае, мы были обречены на практически бесконечное повторение сотворения и разрушения бытия в Железной Черной Тюрьме, однако ключевой является точка баланса, в ко-

торой рефлексии просто перестают развиваться. Этот момент станет освобождением, ибо приведёт к пониманию сути времени, а приведя к нему, избавит нас от необходимости собирать нити в единый клубок.

Потому что времени нет. Клубок всегда оставался целым.

ω: Итак, мы нашли, что нет времени для нас. Время — это одна из решёток Чёрной Железной Тюрьмы, как это вот всё это знает Филипп (милый грузный бородач, я спрашивал у доктора Я. куда он делся из нашей палаты, но Я. уклончиво ответил, что Филиппа, вероятно, перевели в другой корпус). Сам Филипп уверен, что время есть, но оно постоянно одно и то же — архетипическое время мифа о Спасении и Освобождении. У нас же — чуть другой подход.

Если говорить о времени, то нам очень нравится идея светового конуса — α. постоянно говорит об этом и я на свой манер понял, о чём он — мне тоже понравилось.

α: Мы представляем собой конусы света, где в «нижнем», «прошлом» основании лежат архетипы как генетическая память, а в «верхнем», или «будущем» основании — входные плата в Абсолют, божества-покровители. Другими словами — мы сами после грядущего пробуждения, которое всегда было достигнуто.

Конус полон информацией, циркулирующей по нему, но мы способны воспринимать только «восходящее» направление из-за нашей слепоты. Исключения называют озарением, провидением.

ω: Но сначала нужно сделать некоторое отступление и сказать о гостях с низших и высших планов, с которыми мы встречаемся в результате метафизической интоксикации холотропными пирожками.

Вкратце: все эти гости есть не что иное, как мы сами в эволюционной перспективе. Наши демоны и наши ангелы-хранители — это закономерное развитие наших же качеств в проекциях на «нижние» и «верхние» миры, а также — в прошлое и будущее. У Филиппа было почти такое же мнение — он считал, что высшие сущности, которые помогают ему — это он сам же, протягивающий руку из различных вариантов будущего.

Пожалуй, в нашей концепции так оно и есть — только под будущим следует понимать уровень духовной эволюции, достаточной для перемещения в потоке времени (которого таки нет). У меня много мыслей на этот счёт, потому что за прошедший срок я слышал много других идей, которые косвенно подтверждают это (большую часть я тоже узнал от других, когда нас с α. водили на обед в общую столовую Места).

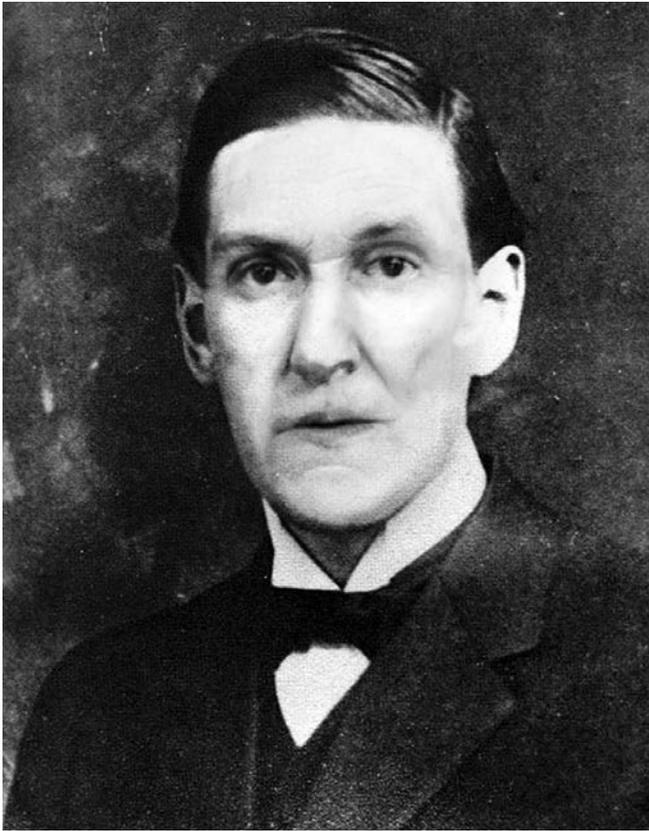
Так, я слышал, у многих западных искателей есть концепция ангела-хранителя, с которым происходит единение при абстрагировании от “профанической” личности, а у восточных индо-тибетских культистов есть похожая концепция йидама — “божества”, воплощающего основные качества потока сознания конкретного культиста, с этим божеством происходит «единение» во время сессий холотропных алдэйтов, в результате чего сознание культиста перепрошивается версией прошивки его йидама, что является успешным достижением этой духовной практики.

Всё это подтверждает то, что помогающие нам боги и ангелы — это и есть мы, но значительно более развитые, способные поддержать своё же существование помощью, которую они оказывают нам — ибо мы их ствол, а они — наша крона.

Надо ли нам, в таком случае, помогать нашим демонам, которые также являются нами, но в проекции на инфрауровень, нашими корнями?

Ответа на этот вопрос я не знаю. Знаю только то, что эволюционная развитость ангелов, богов, бодхисаттв-махасаттв и демонов заключается в том, что они являются нашими качествами, очищенными от, собственно, нас.

Вернёмся к световому конусу. Внутри конуса мы длимся по вертикальной оси, которая является одновременно осью времени и осью духовной эволюции. На вершине конуса находятся наиболее развитые слои, являющиеся квинтэссенцией качеств, заложенных в нашем потоке сознания, чем ниже вниз по оси — тем примитивней характер сознания и шире набор вариантов его деградации. Таким образом, мы заново открыли для себя структуру, которая уже давно задокументирована в источниках как Древо Сефирот еврейского мистицизма, Древо Прибежища тибетского буддизма, axis mundi, гора Меру и т.д. Вপুরе посме-

Говард Сьюард Лавроуз-Беркрафт

яться над тем, что всё уже было, но так как времени нет — то и смеяться не над чем.

ω: Но мы будем описывать свою систему координат — конус Света. Наше внимание на «протяжении жизней» переключается между эволюционно-временными точками внутри конуса, будучи захвачено отдельными подробностями общего сценария, причём для нас самое явное изменения в направленности внимания происходит после т.н. «смерти», которая приводит к принудительному переключению между персонажами одного сценария. Внимание следует в ту сторону, куда было направлено в момент смерти, либо — куда был направлен вектор наиболее сильных привычек.

Грубо говоря, если мы всю «жизнь» занимались изучением древнегреческой архитектуры, то после смерти нас вполне может переключить в «жизнь» какого-нибудь древнего грека-архитектора, вопреки реинкарнационным представлениям о том, что рождение будет обязательно следовать во времени за нашей смертью (впрочем, чтобы переключиться вниманием в древнего грека, нужно иметь куда как серьёзное везение, потому что это довольно престижный сюжет).

Подобное, но во много раз более нечёткое переключение возможно при помощи холотропных пирожков — эти эффекты обычно и описывают как «воспоминание своих прошлых жизней», в то время как это подобно переключениям с канала на канал на винтажном телевизоре — не сказать, чтобы разные каналы вещания были как-то связаны между собой чем-то, кроме как интересами зрителя; не сказать, чтобы один канал был «прошлым» относительно другого. Именно интересы зрителя определяют направленность внимания.

Если же мы научимся контролировать наше внимание, то мы сможем обратить наши взоры к самым верхним частям конуса эволюции, которые несут нам более важные возможности, чем способность жадно созерцать всё богатство пещеры пластмассовых сокровищ.

Я пытаюсь сформулировать то, что происходит на самой вершине светового конуса, но проще описать то, чего там не происходит. Могу только сказать, что стремление туда — и есть главная эволюционная цель любой формы жизни, обладающей сознанием. Там боги, ангелы и бодхисаттвы-махасаттвы очища-

ются не только от нас, но и от самих наших качеств, которые они воплощают; слагают свои крылья и сверхспособности, отбрасывают ненужный уже слог AL — словом, освобождаются от этого всего и... и что от них остаётся?

α: Механика состоит в расширении Знания каждым потоком-душой.

Процесс завершится при получении некоей общей критической массы знания и приведет к установлению связи между потоками вплоть до полного взаимного смешивания в единое целое, Бога.

Промежуточными звеньями являются различные божества, они же — архетипы.

В бесконечности процесс уже закончился. Он всегда был завершён.

ω: Доктор Я. говорит, что все эти рассуждения очень интересны и важны, поэтому мы с α продолжим вести записи из Места. Но у меня смутное ощущение, что это занятие, будучи самым важным, что мы можем сделать в такой ситуации, является также и самым неправильным приложением сил наших. Как сам этот процесс отвлекает нас, не даёт найти взглядом самый важный элемент мозаики, самую важную опору, именно то, в чём мы нуждаемся. Что же, пока его всё равно не видно — и мы будем писать дальше.

α: События актуализируются и становятся «реальными» соответственно нашей Воле. Сила воли, ее свобода и она сама тождественны в силу иллюзорности времени, из которой, в свою очередь, следует принципиальное равенство объекта его потенциалу. При этом, Воля детерминистична по своей сути, ведь развивать ее может только обладающий ей.

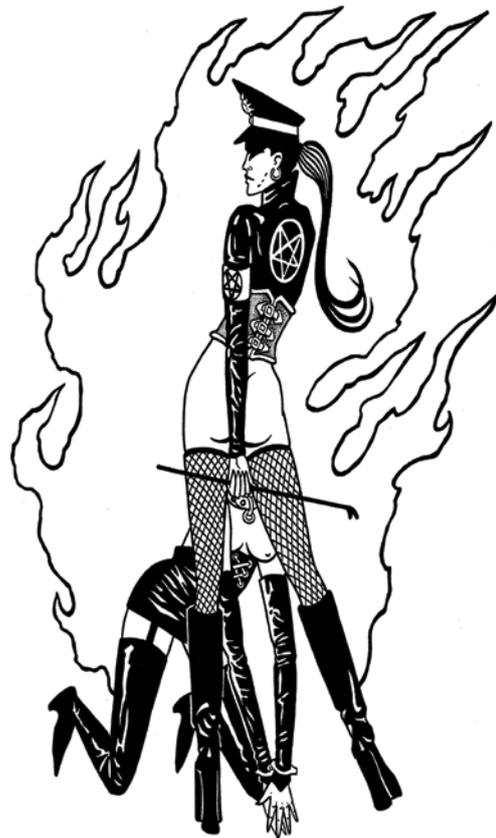
Продолжение следует, а времени — нет.

©α., текст

©ω., текст

©katabasia, расшифровка

©Я., редактура текста

Специально для тебя, наш маленький читатель — раскраска с твоим личным Дэвидом Тибетом за авторством *LimbicSplitter'a*. Делай с ним что пожелаешь!

ТНОСТАЧЕСКИЙ КРОССВОРД

В качестве развлекательной части альманаха для самых юных (а также для проверки внимательности) — вирш-кроссворд, в котором загаданы только слова, встречающиеся в этом номере. Проверь свою интуицию и эрудицию, дорогой конфидент.

По вертикали:

1. В откровеньях и знаменях
В предвкушеньи царства зла
Узнаваем по значенью
Человечьего числа

2. Бог фашистов и креаклов
Архитектор всех страданий
Не нуждается нисколько
В лжи трусливых оправданий

3. Он был луны поэтом гармоничным
Безмерным во хмелю и в простоте
Его жизнь вышла слога переливом
На музыку, что ставят в темноте

7. Язык протяжных гласных, шелест крыльев
И удивленный взгляд над бородой безухий
Коль хочешь знать, как говорят на небе —
Изволь отдать жену в чужие руки

По горизонтали:

4. Смотри, как рвет заводов грудь природа
Послушай трубный визг и скрежет воли
Как дивно звуки производства боли
В ряды встают и пляшут без дресс-кода

5. На пивной волне тревожной
Выплывает твой драккар
Неудачливый художник —
Вишну черный аватар

6. Шлёт послание сейчас
Нам оракул-проводник
Но закончится сеанс
Вновь обычным станет в миг

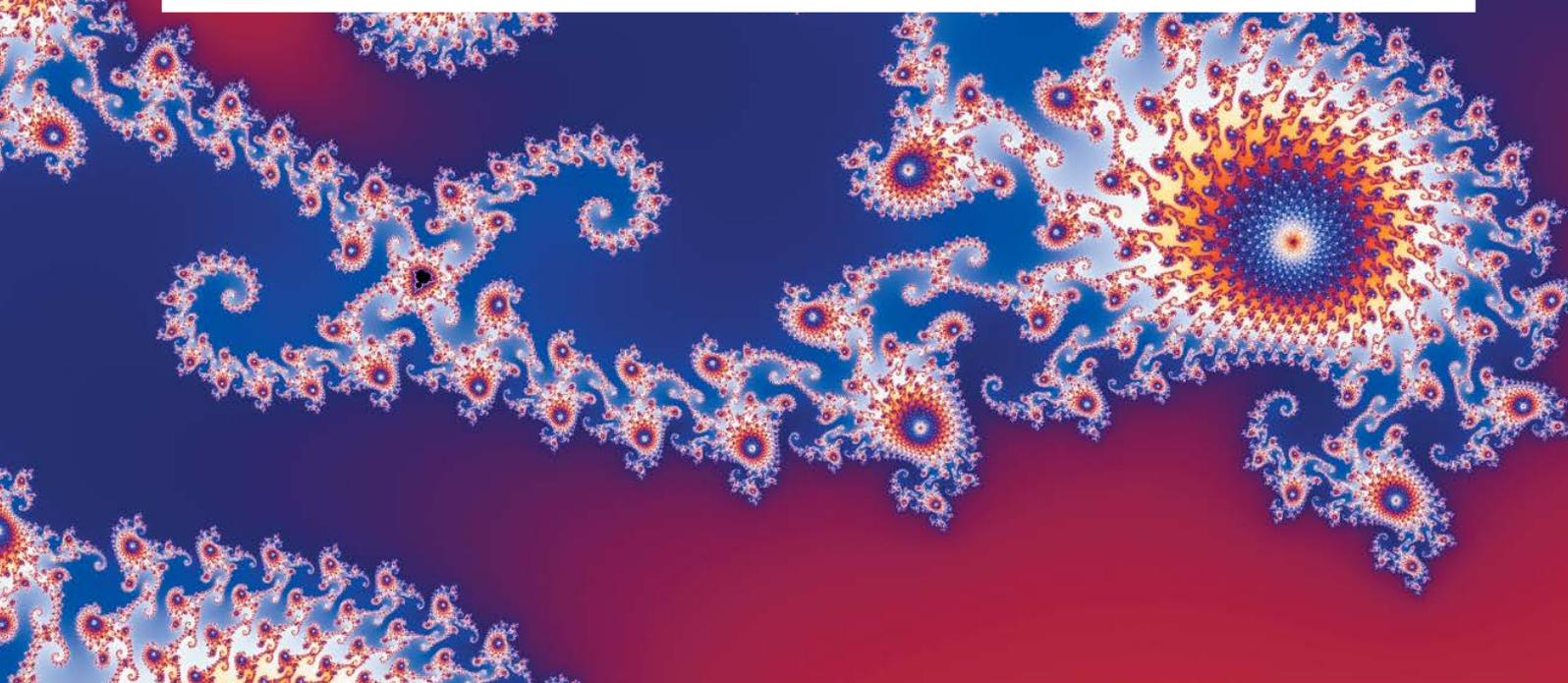
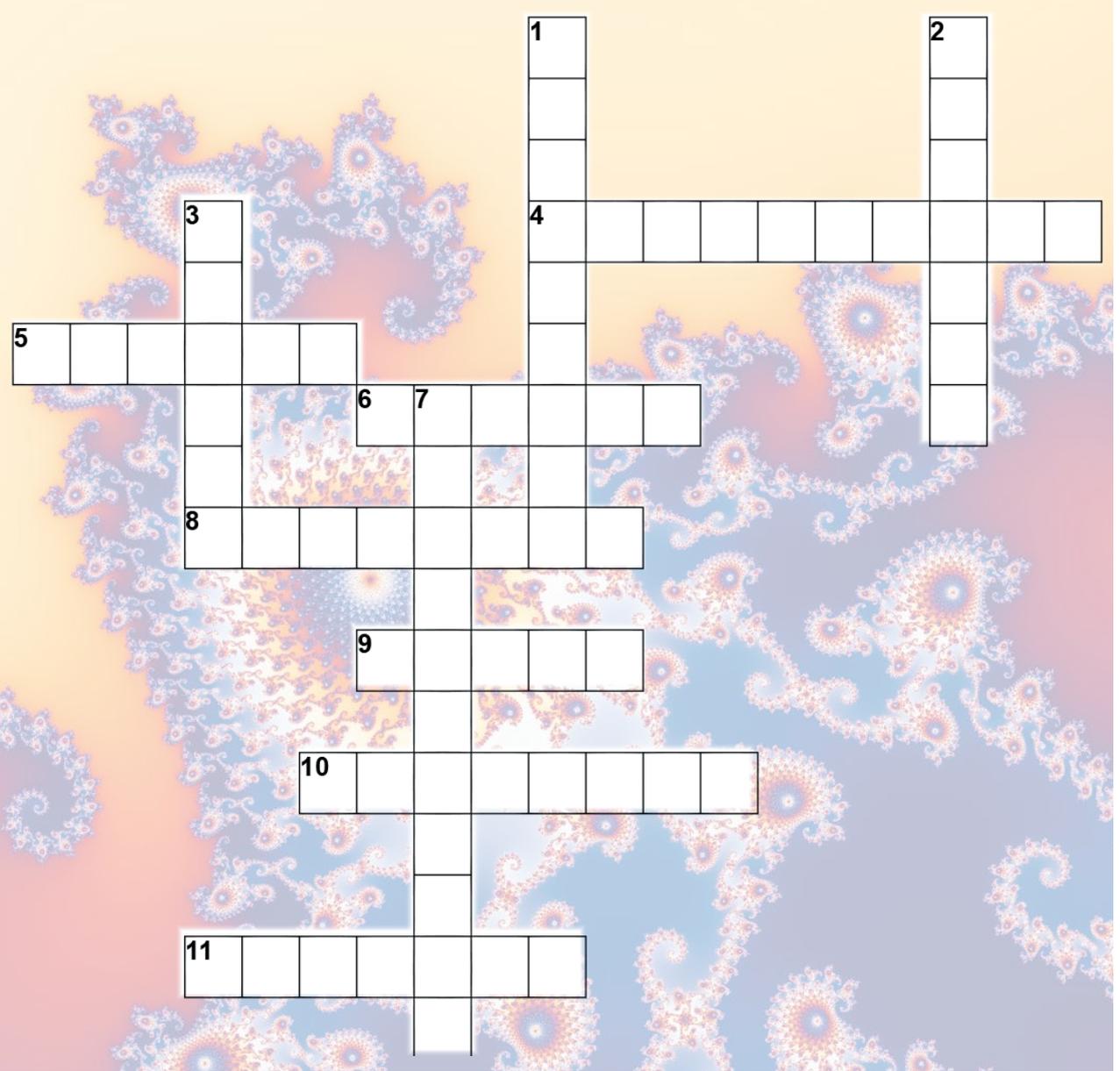
8. О свойство, давно знамо, незнакомо
Неописуемо до столкновенья лично
В глазах и старца с нимбом и монаха
С его теплом в сравненьи все вторично

9. Образ бога маскарадный
Концентрацией создам
А потом его надену
Буду богом я и сам!

10. Фундамент порядка и стены тюрьмы
Прутьев вязанку держащий ремень
Вся костость, что наши сжимает умы
Немого согласия вечная тень

11. Зеркал глубины черных манят нежно
И шепчут голоса в хрустальном шаре
Круг чаши светится, и в воскурений паре
Ты мельком, но узрил то, что безбрежно

LIMBIC SPLITTER 2014